ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Комплексная научно-издательская программа "Новая информационная среда преподавания гуманитарного знания в высшей школе России"

СЕРИЯ ИСТОРИЯ

ГОЛОД 1932–1933 ГОДОВ

МОСКВА 1995

ББК 63.3(2)61–2я43
Г63

Под общей редакцией
академика Ю.Н. Афанасьева

Научный редактор профессор Н.А. Ивницкий

Голод 1932–1933 годов: Сб. статей / Отв. ред., вступит. **статья**
Г63 Ю.Н. Афанасьев. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т. 1995. 96 с.
ISBN 5–7281–0012–0

Книга посвящена одной из самых трагических страниц истории советской деревни – голоду 1932–1933 годов, охватившему огромную территорию страны с населением в 50 млн человек. Впервые в историографии на конкретном историческом материале показана роль Сталина и его ближайшего окружения в организации голода.

Для специалистов, преподавателей, аспирантов, студентов.

ББК 63.3(2)61–2я43

Г $\frac{050302500–009}{0Т(03)–95}$ **Без объявл.**

ISBN 5–7281–0012–0

© Российский государственный
гуманитарный университет, 1995

Большая часть XX века прошла под знаком преобладания технократического подхода к решению глобальных задач, стоящих перед человечеством. По мере проникновения в жизнь общества сложных технологий, развития автоматизации и компьютеризации, под влиянием эпохальных научно-технических достижений, таких, как овладение энергией атомного ядра, создание супер-ЭВМ, прорыв человека в космос, формировалась и крепла иллюзия устарелости и ненужности гуманитарного знания для современности и тем более для будущего. Люди с технократическим образом мышления, соответствующими психологией и философией при решении любых социальных проблем совершали и совершают немало ошибок, будучи искренне убежденными в правильности своих действий. И только в последнее десятилетие после серьезных технических катастроф, в результате осознания последствий необдуманного вторжения в природу, возможности исчерпания в обозримом будущем традиционных видов сырья и энергоносителей население планеты вплотную столкнулось с необходимостью добиваться совершенствования человеческого общества, определить свое отношение к среде обитания. Наступило время, когда стало очевидным радикальное переосмысление будущего науки и техники на основе общечеловеческих принципов. А это, в свою очередь, жестко поставило вопрос о культуре в самом широком смысле этого слова, о значении гуманитарного знания для общества.

В России положение усугубляется тяжелым социально-экономическим, политическим и духовным кризисом, который возник в результате краха существовавшей несколько десятилетий системы. Осознание того, что целые поколения во многом жили в мире иллюзий, трагично. Идет распад советской цивилизации с ее специфическим социальным, философским, политическим менталитетом, часто рука об руку с насилием в самых разнообразных формах, с нарастанием авторитарных, шовинистических и милитаристских тенденций. Мы стали свидетелями глубокого падения уровня духовности, разрушения социокультурной среды. Современная

индустриальная культура создает широкие возможности для манипулирования сознанием, когда человек теряет способность рационально осмысливать бытие. Ему вновь грозит опасность стать легкой добычей новой идеологии или, наоборот, оказаться в лоне массовой культуры. Ограниченность развития исследований в области гуманитарных наук способствовала возникновению многих негативных явлений в обществе, поскольку интенсивные преобразования общественной жизни в большинстве случаев не обеспечены научными разработками на эмпирическом и теоретическом уровнях.

В системе высшей школы кризис содержания гуманитарных дисциплин не позволяет без проведения научных исследований получать новые знания и обучать студентов на современном уровне. Работы историков, философов, экономистов должны не убеждать в уже устоявшихся мнениях о единственно правильном выходе из создавшегося положения, а показывать мир во всем его многообразии, в противостоянии мнений, позиций, выводов, нацеливать обучаемых на самостоятельный поиск истины, вводить в лабораторию исследования. Гуманитарные науки расширяют возможности специалиста, делают его профессионально более гибким, позволяют видеть междисциплинарные связи, ставить проблемы на стыке наук.

Перед высшей школой России стоит непростая задача возрождения интеллектуального потенциала страны. Определенную роль в этом призвана сыграть комплексная научно-издательская программа «Новая информационная среда преподавания гуманитарного знания в высшей школе России». На наш взгляд, она будет способствовать получению нового знания по современным проблемам развития человека, общества и цивилизации. Программа направлена на научное обеспечение процесса преобразования России, достижение уровня мировых стандартов образования при учете богатых духовных и общекультурных традиций нашего государства, а также на интеграцию российских ученых-гуманитариев в систему мирового научного сообщества.

Недостаточное развитие исследований по гуманитарным наукам, отсутствие должного финансирования, непомерный рост цен на бумагу и типографские услуги затрудняют массовое издание новых учебников, учебных пособий, хрестоматий и монографий. Поэтому в качестве первого шага к формированию новой информационной среды, когда любой преподаватель, любой студент могли бы получить прямой доступ к тем источникам знаний, которые им необходимы, РГГУ издает лекции, прочитанные в университете виднейшими отечественными и зарубежными специалистами в области истории, философии, экономики, культурологии, филологии. Преподаватели и учащиеся познакомятся с наиболее значимыми статьями и материалами, напечатанными как в России, так и за рубежом.

В программе представлены различные по жанрам учебные издания, включающие своеобразные информационные блоки из лекций, статей, аналитических обзоров, библиографических указателей по определенной тематике (серии «История», «Философия», «Экономика», «Филология»,

«Управление», «Музеология»), а также учебно-методические материалы для довузовской подготовки в школах и лицеях, обзоры современной исследовательской литературы, публикации документов, справочники, пособия для колледжей переподготовки преподавательских кадров вузов.

В реализации программы участвуют ведущие специалисты Российского государственного гуманитарного университета, Московского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Института российской истории РАН, Института всеобщей истории РАН, других научных и вузовских центров России, а также видные ученые из университетов и научных центров США, Франции, ФРГ, Италии и других стран. Представлены различные научные школы, порой диаметрально противоположные друг другу подходы к освещению важнейших проблем гуманитарного знания.

Таким образом, материалы программы, рассчитанные на все уровни обучения (довузовская подготовка, вузовское и послевузовское обучение, переподготовка кадров), призваны внести весомый вклад в решение важнейшей для сегодняшней высшей школы России проблемы – обеспечение неразрывности образования на базе передовых достижений мирового гуманитарного знания.

Ю.Н. Афанасьев

ИТОГОВЫЙ ОТЧЕТ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ГОЛОДА 1932–1933 ГОДОВ НА УКРАИНЕ

(Торонто, 1990 г.)*

Комиссия создана по инициативе Всемирного конгресса свободных украинцев, члены которого обратились к ряду юристов и законоведов разных стран с просьбой принять участие в расследовании фактов голода, имевшего место на Украине в 1932–1933 гг.

Комиссия по расследованию была образована как абсолютно независимый, негосударственный, самостоятельный орган.

За отправную точку был принят статус комиссий по расследованию, предложенный на 60-й конференции Международной юридической ассоциации, а также регламент, принятый Европейской комиссией по правам человека.

Президент Комиссии – Якоб В.Ф. Санберг, профессор юриспруденции Стокгольмского университета.

В течение двух лет (1988–1990) Комиссия занималась расследованием фактов, связанных с явлениями голода, с его причинами и последствиями для Украины и украинского народа, а также рассматривала проблему ответственности властей за эти события.

Выводы Комиссии базируются на анализе дипломатических источников, документальных публикаций, а также свыше 40 советских законодательных актов, относящихся к рассматриваемому периоду.

В работе использовались данные ряда экспертов по сталинскому периоду советской истории; среди них проф. Р. Конквест, проф. В. Козик, д-р Дж. Э. Мэйс, д-р Л. Ю. Лисюк, проф. И. Славутич, проф. Н. Л. Чировский и проф. Л. А. Козинский.

Были заслушаны показания 12 свидетелей, переживших голод на Украине и проживающих ныне в Европе, Канаде и Соединенных Штатах.

---

* Родина. 1994. № 10.

Комиссия пришла к следующим выводам.

– Факт голода на Украине в 1932–1933 гг. не подлежит сомнению, равно как и то, что власти как в самой республике, так и в Москве были осведомлены о недостатке продовольствия. Более того, несмотря на критическое положение, советские власти не предпринимали никаких мер, чтобы оказать помощь Украине, вплоть до лета 1933 г.

– Тем не менее большинство членов комиссии не уверено, что этот голод был намеренно организован с целью уничтожить раз и навсегда украинскую нацию; однако, по мнению комиссии, советские власти использовали ситуацию голода, чтобы увенчать свою политику денационализации.

В Советском Союзе на протяжении многих лет сам факт голода на Украине в период 1932–1933 гг. обходился полнейшим молчанием, которое если и нарушалось, то лишь официальными опровержениями как со стороны властей и прессы, так и со стороны научных и университетских кругов.

Это организованное молчание длилось, пока все аспекты советской политической жизни контролировались Сталиным. После его смерти и в особенности после доклада Хрущева на XX съезде Коммунистической партии упоминания о пережитой Украиной в 1932–1933 гг. трагедии начинают появляться.

Завершение процесса десталинизации затянулось на годы, и лишь с приходом к власти М. Горбачева факт голода стал признаваться советскими официальными лицами, несмотря на расхождения в мнениях о его причинах, масштабах и ответственности за эту трагедию.

Очевидно, что население Украины сократилось более чем на 3 млн человек; уменьшение естественного прироста населения прибавляет к этой цифре еще 3 млн; за тот же период и при тех же условиях жизни население соседних с Украиной республик увеличилось: в России – на 28 проц. в Белоруссии – на 11,2 проц.

Источники позволяют определить, что начало голода относится к лету 1932 г., пик приходится на начало весны 1933 г., а завершение – на начало лета 1933 г.

Самое страшное время – 1933 г. Измученные суровой зимой, крестьяне использовали последние запасы продовольствия, которые им удалось спасти от реквизиций. Результатом стала массовая смертность от голода.

Назначение Постышева в январе 1933 г. на пост второго секретаря Коммунистической партии, кажется, лишь усугубило ситуацию: были ужесточены меры, направленные против украинского населения, и это привело к наиболее ужасающим страданиям людей в начале весны 1933 г.

Условия для возникновения голода создавались в течение многих месяцев, и так же много времени прошло, прежде чем он закончился. Свидетели и эксперты сходятся на том, что к концу апреля – началу мая 1933 г. реквизиции зерна были временно приостановлены или по меньшей мере сокращены. Можно говорить о том, что к началу лета 1933 г. голод прекратился, хотя потребовались годы, чтобы смягчить трагические последствия

более чем десяти месяцев лишений, повлекших смерть людей в массовых масштабах.

Распространение голода не ограничилось Украиной. В 1932–1933 гг. этим бедствием были охвачены и другие регионы Советского Союза: в наибольшей степени Казахстан, а также Северный Кавказ, Дон, Кубань, бассейн Волги и некоторые части Западной Сибири.

Поразительно, что Белоруссия, находящаяся в непосредственном соседстве с Украиной и имеющая весьма сходные характеристики, голода избежала.

У Комиссии нет объяснения тому факту, что российские территории в этот период не были поражены голодом, тогда как в 1921–1922 гг. Россия разделила эту участь с Украиной.

Различные источники по-разному оценивают число жертв голода. Называются цифры в 6, 10, 16 млн. Конквест говорит о 5 млн, Мэйс – о 7,5.

Без сомнения, погибло не меньше 1,5 млн. Сюда надо добавить и умерших от голода за пределами Украины – число их определяется в 3 млн, причем 1 млн приходится на Казахстан и Северный Кавказ. Таким образом, общее число жертв голода 1932–1933 гг. – минимум 7,5 млн, причем, по мнению некоторых экспертов, и эта цифра является заниженной.

Парадоксально, что голод разразился в одном из богатейших регионов Советского Союза. В этот период доля Украины в совокупном национальном продукте составляла почти 30 % при том, что территория ее составляла 3 % территории Советского Союза, а население – 20 %. Сельское хозяйство на Украине традиционно процветало, и это является подтверждением тому факту, что лишь непропорционально большие нормы государственных зернозаготовок смогли подорвать его и стать непосредственной причиной голода.

В 1930 г. норма сдачи зерна государству Украиной составляла 7,7 млн тонн. Благодаря хорошему урожаю эта норма была выполнена, хотя запасов зерна почти не осталось. Та же норма была сохранена и в 1931 г., но из-за плохого урожая не была выполнена. Тем не менее 7 млн тонн зерна было реквизировано, и это серьезно сократило ресурсы колхозников. Та же норма была установлена и в 1932 г., хотя на этот раз она составила более 50 % годового урожая. Нормы сдачи зерна государству были явно диспропорциональны, и это публично подчеркивалось такими украинскими лидерами, как Станислав Косиор, Микола Скрыпник и Панас Любченко, на Третьей Всеукраинской партийной конференции, проходившей в 1932 г., – подчеркивалось в присутствии Кагановича и Молотова, официальных представителей Москвы. Результатом стало сокращение плана на 1,1 млн тонн, но даже эта уменьшенная цифра оказалась за пределами возможного для украинских крестьян. В итоге властям удалось собрать лишь 3,7 млн тонн зерна, несмотря на все предпринятые ими усилия отнять у крестьян все до последнего. Голод уже начинался.

В ожидании транспортировки реквизированное зерно складывалось в хранилища или просто сваливалось в кучи около железнодорожных станций. Когда голод усилился, эти склады стали местом, где крестьяне пытались добыть хоть какое-то пропитание. Вполне понятно, что умирающие с голоду люди делали попытки украсть зерно, чтобы выжить, и даже завладеть им с помощью грубой силы.

В связи с распространением подобных беспорядков власти призвали армейские части для охраны запасов, и солдаты – это были не украинцы, а в основном русские или представители других национальностей, – не колеблясь пускали в ход оружие для защиты реквизированного зерна. Закон об охране социалистической собственности от 7 августа 1932 г. предусматривал за хищение или сокрытие зерна и другого продовольствия, принадлежавшего государству, очень суровые меры наказания, вплоть до смертной казни и конфискации всего имущества.

Закон от 6 декабря 1932 г. предусматривал составление «черных досок» – «черных списков» тех деревень, которые признавались виновными в саботаже и диверсиях. В случае занесения в «черный список» применялись следующие меры:

- немедленное закрытие государственных и кооперативных магазинов и изъятие всех их запасов;
- полный запрет всех видов торговли, производимой как колхозами и их членами, так и единоличниками;
- немедленное прекращение всех видов кредитования и предварительных выплат и их обязательный возврат;
- чистки кооперативного и государственного аппарата от всех чуждых и враждебных элементов;
- чистки колхозов от всех «чуждых элементов» и «саботажников кампании по зернозаготовкам».

Изначально в этом списке было 6 деревень. К 15 декабря 1932 г. он уже включал целиком 88 районов из 358, на которые в это время была разделена Украина. Жители этих районов были подвергнуты массовой высылке на север.

Ужасающие последствия чрезмерных реквизиций зерна были значительно усугублены общей ситуацией, сложившейся на Украине, где советские власти пытались проводить насильственную коллективизацию сельского хозяйства с целью уничтожить кулачество и подавить те центробежные тенденции Украины, которые угрожали целостности Советского Союза.

С самого начала Москва знала, что Украине угрожает голод, Сталин был прекрасно информирован о критической ситуации на Украине. Роман Терехов, первый секретарь Харьковского областного комитета, лично говорил об этом Сталину во время январского (1933 г.) пленума Центрального Комитета. Командующий Черноморским флотом (И.К. Кожанов. – *Ред.*) и командующий Киевским военным округом Иона Якир посылали Сталину официальные письма с протестами и просьбами о неотложной помощи.

Также не подлежит сомнению, что, несмотря на свою полную осведомленность, советские власти не предпринимали никаких мер до лета 1933 г. и на протяжении десяти месяцев попустительствовали тому, что голод производил все большее опустошение, никак не пытаясь предотвратить страшные последствия.

Путем различных законодательных мер советские власти усиливали губительное воздействие голода. Эти меры были направлены на то, чтобы жертвы нигде не могли найти продовольствие и не могли покинуть регион бедствия. Заслуживают упоминания:

- закон от 7 августа 1932 г. о защите социалистической собственности, запрещающий людям, умирающим от голода, под страхом самого жестокого наказания брать зерно, гниющее на складах или сваленное у железнодорожных станций;
- законы от 13 сентября 1932 г. и от 17 марта 1933 г., прикрепляющие крестьян к земле и запрещающие им оставлять свои колхозы в поисках другой работы иначе чем с разрешения колхозного руководства;
- закон от 4 декабря 1932 г., устанавливающий особый паспортный режим, который делал невозможным для людей, ставших жертвами голода, переезд на другое место без официального разрешения. Крестьян, стремившихся вырваться за пределы Украины, чтобы избежать голодной смерти, насильственно возвращали назад.

Есть свидетельства о наличии секретного распоряжения комиссара путей сообщения А.А. Андреева о «блокаде» украинско-российской границы с целью недопущения поставок продовольствия на Украину. Свидетели показывают, что железнодорожные билеты продавались лишь тем, у кого было письменное разрешение на поездку; путешествовавшие «незаконно» отсылались сотрудниками ГПУ к исходному пункту, причем все продовольствие, которое они везли, конфисковывалось. Основанием для этого служил закон о спекуляции.

Ясно, что все эти меры принимались отнюдь не только по причинам, связанным с голодом и не были специально направлены на то, чтобы усугубить лишения. Но даже в более благоприятной ситуации эти меры, несомненно, оказали бы весьма негативное воздействие. В сочетании же с тем, что власти не оказывали голодающим никакой помощи, это еще более усугубляет вину тех, на ком лежала ответственность за охватившее Украину бедствие.

Из имеющихся в распоряжении Комиссии сведений несомненно, что большие и малые города Украины в основном избежали воздействия голода; то же самое относится к местным деревенским властям, проводившим коллективизацию и непосредственно осуществлявшим зернозаготовки.

Очевиден и тот факт, что большинство городского населения не являлось украинским. Многие представители местных властей были русскими.

Правдой является и то, что советские власти в тот период отрицали существование голода на Украине и вопреки всякой очевидности продолжа-

ли отрицать это в течение более чем пятидесяти лет, за исключением частного упоминания в мемуарах Хрущева.

Указывает ли вышеизложенное на существование некоего заранее разработанного плана, обрекавшего Украину на голодную смерть? В документах, имеющихся в распоряжении Комиссии, о существовании подобного плана нигде не упоминается. Возможно, однако, что у столь чудовищной личности, каковой являлся Сталин, могла быть самая безумная стратегия. Но поскольку Комиссия не обладает такой информацией, она не может утверждать, что существовал план организации голода на Украине с целью обеспечить таким образом полную победу политики Москвы.

Отсутствие заранее обдуманной стратегии отнюдь не означает, что голод был случайным результатом этой политики, – случайностью, повлекшей уничтожение части украинского народа. Комиссия уверена, что советские власти не предпринимали активных действий по организации голода, но успешно поддерживали его, поскольку это помогало заставить крестьян терпеть политические решения, которым те отчаянно сопротивлялись.

Политика Москвы не была прямо ориентирована на уничтожение какой-либо «этнической или расовой группы как таковой», что является одним из признаков геноцида согласно конвенции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. Намерение «денационализировать» Украину было вызвано нежеланием Москвы мириться с «националистическими и мелкобуржуазными уклонами», не совпадающими с основополагающими заповедями коммунизма.

С другой стороны, у Комиссии сложилось впечатление, что Сталин пытался, используя голод как оружие, нанести окончательный удар по украинской нации «как таковой», и эта попытка проливает свет на те нечеловеческие страдания, которым подверглись украинцы.

Повторяем: голод, равно как и та политика, результатом которой он явился, не были ограничены только Украиной, хотя именно территории с преобладающим украинским населением пострадали больше всего. История показывает, что ненависть Сталина распространялась отнюдь не только на украинцев. Можно усмотреть целую серию геноцидов, как пугающе бы это ни звучало: однако само по себе это не исключает гипотезы о геноциде против украинского народа во время голода 1932–1933 гг.

Исходя из вышеизложенного, Комиссия считает вероятным, что элементы геноцида в данной ситуации имели место.

Проанализированные Комиссией материалы свидетельствуют, что главная ответственность за голод на Украине 1932–1933 гг. лежит на И. Сталине. Эту ответственность разделяют другие члены Политбюро, в особенности В. Молотов и Л. Каганович.

Местные украинские власти: шеф украинского ГПУ В. Балицкий, председатель украинского Совета Народных Комиссаров В. Чубарь, первый секретарь Коммунистической партии Украины С. Косиор и президент Украины Г. Петровский могут быть обвинены в преступной пассивности;

зная о голоде, они ничего не предпринимали, боясь санкций Москвы. Видимо, она не играли ведущей роли в подготовке и проведении тех мероприятий, которые стали причиной голода.

Исключение, возможно, составляет Павел Постышев, ставший вторым секретарем Коммунистической партии Украины в январе 1933 г. Будучи приближенным Сталина и русским по национальности, Постышев обладал на Украине реальной властью, играл ключевую роль как в кампании по сдаче государству зерна, так и в репрессиях, связанных с так называемыми националистическими уклонами, и – в целом – в ужесточении мер по насильственной коллективизации и уничтожению кулачества.

В заключение Комиссия отмечает, что в той политике, которая проводилась в отношении украинского народа и привела к трагическим событиям 1932–1933 гг., игнорировались основополагающие нравственные нормы, являющиеся обязательными для властей. Советские власти должны быть подвергнуты суровому осуждению. Независимо от того, являлось ли нарушение норм морали преступлением с юридической точки зрения или нет, невозможно отрицать неизмеримые страдания, причиненные украинскому народу, и первая обязанность властей, допустивших это, – признание своей вины.

М.Б. Таугер

УРОЖАЙ 1932 ГОДА И ГОЛОД 1933 ГОДА*

В западных и даже советских публикациях голод 1933 г. в СССР представляется как «дело рук человека» или как «искусственный». Согласно этой «теории», сталинское руководство установило такие объемы хлебозаготовок на Украине и в других регионах, населенных кубанскими казаками (Северный Кавказ) или немцами (Поволжье), которые вызвали голод, подавили национализм и преодолели сопротивление крестьян коллективизации. Сторонники таких взглядов, используя советскую статистику, пытаются доказать, что урожай зерновых в 1932 г., в особенности на Украине, не был низким и позволил бы накормить население. Роберт Конквест, например, привел советские исследования о засухе, чтобы показать, что условия в 1932 г. были намного лучше, чем в 1936, «неголодном» году. Джеймс Мэйс, основной автор доклада о расследовании голода на Украине, проведенном Конгрессом США, приводит послесталинскую статистику, чтобы доказать, что урожай тот был выше, чем в 1931 и 1934 гг. Для этого он обращается к позднейшей советской историографии, в которой 1931 г. представлен более тяжелым, чем 1932, вследствие засухи. На основании этих данных он делает вывод, что урожай 1932 г. не мог вызвать массового голода[1].

Рассказы о голоде тех, кто его пережил, тоже используются как доказательство. В рассказах, опубликованных вместе с расследованием Конгресса, например, один свидетель утверждает, что урожай (видимо, в его колхозе) достигал 37 ц/га, что в два с половиной раза больше среднего урожая зерновых в Советском Союзе в начале 1980-х. В примечании к этому

* Опубликовано в "Slavic Review". 1991. Т. 5. (Автор благодарит Международное правление по исследованиям и обменам за помощь, а также Р.У. Дэвиса, Р. Эдельмана, Дж. Арч. Гетти, Джона Нэтча, Эрика Монкконена, Жан-Лорана Розиталя, Еву Сегерт-Таугер, Кеннета Соколофф и Альбиона Урбанка за помощь и полезные советы.)

Таугер Марк Б. – доктор философских наук, профессор Западно-Виргинского университета г. Моргонтауна (США).

заявлению сообщается, что «ни один свидетель с Украины не говорил об урожае 1932 г. как о плохом для того района, где он проживал»[2]. Более ранние источники-мемуары, такие, как «Черные дела Кремля», утверждают то же. Даже Сталин в январе 1933 г. говорил, что «валовой урожай зерновых в 1932 г. был больше, чем в 1931»[3]. Конквест, Мэйс и другие видят основную причину голода во враждебности советских руководителей по отношению к крестьянам и определенным национальным группам и в официально направляемом геноциде против украинского и других народов, осуществляемом путем чрезмерных хлебозаготовок[4].

При такой интерпретации голода не обращается внимание на несоответствия между официальной статистикой начала 30-х годов по урожаю зерновых и свидетельствами переживших голод, а также на другие источники, ставящие под сомнение данные официальной статистики. Новые материалы советских архивов показывают, что урожай 1932 г. был намного ниже, чем предполагалось, поэтому требуется пересмотр прежних взглядов, и в первую очередь теории геноцида.

Низкий урожай 1932 г. ухудшил и без того тяжелое положение с продовольствием, которое было в 1931 г., и, несмотря на значительное сокращение экспорта зерна, сделал голод вероятным, если не неизбежным в 1933 г.[5]

Официальные данные 1932 г. не дают оснований безоговорочно принять теорию геноцида (табл. 1). Цифры по урожаю зерновых 1930–1932 гг., которые отчет Конгрессу дает как «послесталинские» (это данные 30-х годов), Сталин приводил даже на XVII съезде партии в 1934 г.[6] Большинство советских и западных ученых либо приняли эти цифры как достоверные, либо считали, что они несколько занижены, поскольку предшествовали введению системы биологических (видовых) урожаев для определения валовых сборов и объема заготовок зерна, принятых в 1933 г.[7] Система биологических урожаев завышала истинный урожай на 20% и более[8]. Несмотря на это, сельскохозяйственная статистика 1930–1932 гг. так же, как и 20-х годов, оспаривалась и изменялась в результате политического давления[9]. Урожай 1932 г. был определен еще менее точно.

Валовой сбор зерна и план хлебозаготовок на 1932 г. были меньше, чем в любом другом году того десятилетия. СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановлением от 6 мая 1932 г. снизили план заготовок, что должно было дать возможность колхозам и крестьянам продавать зерно по свободным рыночным ценам после выполнения плана заготовок. Согласно этому постановлению, заготовки для колхозов и единоличников снижались против 22,4 млн т в 1931 г. до 18,1 млн т. Вместе с тем повышались планы хлебосдачи для совхозов с 1,7 млн до 2,5 млн т. Общий план хлебозаготовок составил, таким образом, 20,6 млн т. Поскольку предварительный план, подготовленный наркоматом торговли в декабре 1931 г., устанавливал хлебозаготовки в объеме 29,5 млн т, то снижение плана, согласно постановлению от 6 мая, составило 30%. Снижались заготовки и на другую сельскохозяйственную продукцию[10].

После майского постановления советское руководство было полно оптимистических надежд на то, что колхозная торговля и торговля крестьян-единоличников станет таким же важным элементом для снабжения городов продовольствием, как заготовки. Местные работники и иностранные обозреватели даже рассматривали это постановление как новый нэп[11]. Сторонники же теории геноцида преуменьшают значение этого документа. Мэйс, например, представляет его как акт, «принятый в основном для отвода глаз». Он не принимает во внимание не только снижение заготовок, но и факт их невыполнения. Р. Конквест не упоминает о снижении хлебозаготовок согласно постановлению от 6 мая и утверждает, что снижен был план хлебозаготовок по просьбе украинских работников на III Всеукраинской партконференции (июль 1932 г.). На самом же деле конференция утвердила план, принятый постановлением от 6 мая[12].

В результате заготовок 1932 г. оба сектора – социалистический и частный – дали 18,5 млн т зерна, приблизительно на 10% меньше плана. Даже если включать децентрализованные получения и свободную рыночную продажу, составившие от 0,92 до 1,46 млн т, то и тогда можно считать, что общий сбыт зерна все же был ниже уровня, намеченного планом[13]. Когда стало ясно, что основные недопоставки приходятся на крупнейшие районы по заготовке зерна, особенно на Украину и Северный Кавказ, заготовки опять были снижены. В ноябре 1932 г. чрезвычайная комиссия, посланная на Северный Кавказ, снизила заготовки зерновых с 136 до 97 млн пудов. Аналогичная комиссия, посланная в то же время в Харьков, снизила хлебозаготовки на Украине; один украинский ученый пишет, что общее снижение (очевидно, включая предусмотренное постановлением от 6 мая) составило 2,26 млн т; эти цифры позволяют предполагать, что чрезвычайная комиссия снизила план еще больше, чем постановление от 6 мая[14]. Собранное ранее зерно и другая сельхозпродукция были возвращены в деревню в форме плановой продажи продовольствия, семян, фуража и ссуды. В 1932 г. в деревню было возвращено приблизительно 5,76 млн т полученного зерна – больше, чем в 1930 или 1931 гг.[15]

Снижение задания по хлебозаготовкам в 1932 г. и возвращение части заготовленного зерна в деревню не должны были привести к острой нехватке продовольствия и голоду. Крестьяне в 1932 г. должны были бы иметь намного больше хлеба, чем оставлено в 1931, 1933 или в 1934 гг. (табл. 2). Вместе с тем ученые – сторонники теории геноцида соглашаются, что ни в 1933, ни в 1934 гг. голода не было; Мэйс называет 1933 г. небывалым по урожайности. В официальных данных по урожаю на Украине то же несоответствие. Заготовлено 4,7 млн т из урожая 1932 г. в 14,6 млн т, и после этого крестьянам оставалось бы около 10 млн т, т.е. почти столько же, сколько оставалось им в 1931 г. Если бы эти цифры были верными, у сельского населения Украины (приблизительно 22 млн человек в 1931–1932 гг.) оставалось 450–500 кг зерна на душу населения. Этого более чем достаточно, чтобы голод не возник в большинстве районов[16]. И тем не менее голод широко распространился на Украине.

Возникают, таким образом, два вопроса. Почему сниженный план хлебозаготовок не был выполнен в 1932 г.? И почему страшный голод возник в 1932 г., а не в 1931, 1933, 1934 гг., когда зерна было получено столько же? Если верить официальным цифрам, на душу населения в эти годы приходилось почти столько же зерна, сколько в 1932 г.[17]

Эти подсчеты позволяют предполагать, что официальные цифры по урожаю 1932 г. неверны. Так, Н. Ясный полагал, что официальные цифры за 1931 и 1932 гг. представляли небольшое снижение, «не согласующееся с катастрофическим положением с продовольствием» и снижением поголовья скота. Он предлагал снижать официальные данные на 5–10%. В то же время он считал, что пропала только небольшая часть урожая. Недавно Даниел Броуэр указал, что, по официальным данным, урожай 1932 г. был больше, а количество зерна, полученного государством, – меньше, чем в 1931 г., так что «в деревне этой зимой можно было бы достать больше хлеба. Однако эмпирический опыт абсолютно ясно показывает страшную нехватку продовольствия в эти месяцы; истинные причины голода предстоит раскрыть». Марк Тольц исследовал официальные данные по урожаю 1932 г. в свете острой нехватки зерна и голода, поразившего южные районы Советского Союза в 1932 г. Он пишет, что официальные цифры бессмысленны, потому что урожай был выше, чем в 1931 и 1934 гг., а ведь урожай 1934 г. послужил базой для отмены продовольственных карточек в городах. Аналогичные размышления привели С.Г. Уиткрофта, Р.У. Дэвиса и Дж.М. Купера к выводу, что «снижение производительности зерна в 1931 и 1932 гг. и возвращение к прежнему уровню в 1933 и 1934 гг. были намного существеннее, чем следует из приводимых данных – как на Западе, так и советских». Они оценивали урожай 1932 г. в 55,7–61,1 млн т[18].

Доступная информация о том, как подготавливались сведения об урожае до 1933 г., заставляет предполагать, что официальными данными послужили оценки, сделанные до уборки зерна, возможно даже биологические урожаи. Использование подобных оценок уходит еще во времена военного коммунизма: уже в 1918 г. комитеты бедноты, организованные в целях изъятия зерна для городов, прикидывали будущий урожай еще в поле, перед жатвой, и на этой основе определяли продовольственную разверстку. В 20-е годы данные об урожае основывались на осенних донесениях сельских корреспондентов, частично проверенных «контрольными жатвой и молотьбой»; в 30-е годы эта система была заменена иной, при которой использовались данные, полученные от работников на местах и из колхозных и совхозных отчетов, дополненных статуполномоченными и проверенных «местными экспертными комиссиями, использующими данные широких исследований (контрольных) жатвы и молотьбы». Эти контрольные образцы подозрительно похожи на позднейшие цифры биологических урожаев. Действительно, по данным Аркадия Кагана, проверка оценки урожая местными чиновниками включала использование метровки (применявшейся с 1933 г. при определении биологических урожаев) в порядке эксперимента

с 1930 г. и систематически с 1932 г. Каган не ссылается на какой-то конкретный документ, но постановление Колхозцентра (февраль 1932 г.), кажется, подтверждает это. Оно предписывает правлениям колхозов проводить «контрольную молотьбу» зерна и контрольную уборку урожая других культур для установления «выхода продукции» с гектара в соответствии с методом метровки[19].

Некоторые советские источники предполагают, что до 1933 г. данные по урожаям не учитывали потерь. И.Е. Зеленин пишет, что цифры по урожаям на первую пятилетку «составлялись на основе данных о посевных и иногда об убранных площадях и об урожайности (амбарной) с гектара», но не указывает источник. Информация, публиковавшаяся в то время и позже, тем не менее вызывает сомнения на этот счет. Официальная цифра урожая зерновых в 1930 г. остается такой, какой указал Сталин в 1934 г., – 83,5 млн т. Ю.А. Мошков привел эту цифру в связи с зерновым кризисом, но одновременно с этим он представил данные Госплана о производстве зерна в 1930 г. – 77,17 млн т. В той же таблице в графе «потери» приводились 0,4 млн т, но не указывалось, из чего складывались эти потери. Эта цифра кажется слишком низкой (0,5%), учитывая удельный вес колхозного сектора в 1930 г. (30% посевных площадей) и нежелание крестьян работать. Тем не менее статья в «Социалистическом земледелии» в 1931 г. сообщала, что потери во время уборки зерна в 1930 г. «достигли, как известно, 167 млн ц. Страна недополучила миллиард пудов зерна». Если верна цифра 16,7 млн т, то, следовательно, собранный урожай должен был достигнуть 94–100 млн т, что маловероятно. Если цифры 77 млн и 83,5 млн т показывали логические урожаи, то это предполагает, что собранный урожай составил 60 млн и 67 млн т. Эти данные уже согласуются с возрастающей нехваткой продовольствия в 1930–1931 гг.[20]

Некоторые западные и советские специалисты утверждали, что в 1930–1932 гг. применялись подсчеты биологических урожаев и иные оценки, делавшиеся до жатвы.

О. Шиллер, сельскохозяйственный аташе Германии в Москве в 30-е годы, имевший прямые контакты с правительственными статистиками, говорил, что советские статистические данные составляются в трех вариантах: для печати, для руководителей и для высокого партийного начальства. Исследования, проводимые советскими чиновниками, пишет он, подтвердили его наблюдения, что цифры по урожаю отдельных колхозов обычно завышались примерно на 10% и в районе и в области. На основании этого он определял урожай 1932 г. в 50–55 млн т, в 1933 г. – 60–65 млн т, в 1934 г. – 65-70 млн т. Шиллер писал об этих цифрах: они «математически объясняют местами катастрофические трудности с продовольствием в сельских областях в 1931–1934 гг.»[21]. Послесталинские цифры о собранном урожае за 1933 и 1934 гг. показывают, что оценка Шиллера верна для 1934 г. и даже занижена для 1933, однако его оценка урожая 1932 г. настолько ниже официальной, что остается предполагать, что последняя – тоже результат биологического урожая или преджатвенных оценок[22].

Украинский ученый И.И. Слынько опубликовал хранившиеся в архивах оценки валового урожая зерна на Украине в 1931 г.: 14 млн т – намного ниже официальных 18,3 млн т; погодные условия тем летом, добавляет он, снизили итоговый сбор зерна еще на 30–40%[23]. В статье 1958 г. о голоде украинский ученый-эмигрант В. Голубничий писал, что, по официальным данным, около 30% урожая зерновых на Украине в 1931 г. и до 40% урожая 1932 г. были потеряны во время уборки[24]. Он, правда, использовал туманное выражение «до 40%» и не указал, из каких источников почерпнуты эти данные. Несмотря на определенные статистические несоответствия, его статья дает материал для предположения, что данные 1932 г. не отражают реального положения вещей[25].

В конце 80-х годов советские ученые представили дополнительные доказательства того, что сведения об урожаях 1930–1932 гг. – биологические. В.П. Данилов, например, пишет, что «валовой сбор зерна в 1932 г. достигал 699 млн центнеров, но *половина осталась на поле*» (курсив наш. – *М.Т.*). Экономисты Г. Ханин и В. Селюнин показывают, что чрезвычайные комиссии, работавшие в ноябре 1932 г. в Харькове, Ростове-на-Дону и Саратове «на гребне» кризиса с хлебозаготовками, «использовали данные так называемого биологического (на корню) урожая зерна»[26]. Их оценка урожая 1932 г. (7,2 ц) ниже официальной цифры (8,1 ц). Эта разница показывает, что власти занижали данные по урожаям, как и задания по хлебозаготовкам, и что официальные цифры намного завышены.

Полученные свидетельства позволяют предполагать, что официальная статистика урожая зерновых в 1932 г., а возможно и в 1930-1931 гг., исходила из оценок, сделанных до уборки хлеба, основанных, возможно, на биологических урожаях, и действительный урожай преувеличен. Ранее закрытые архивные данные о сельскохозяйственной продукции, даваемой колхозами в 1932 г., определенно свидетельствуют, что действительные урожаи были намного меньше, чем показывали официальные цифры. Это подтверждается годовыми отчетами коллективных хозяйств[27]. Поскольку данные отчетов резко отличаются от официально публиковавшихся цифр, необходимо выяснить их происхождение и истинные размеры.

Колхозный Устав от 1 марта 1930 г. предусматривал ежегодные отчеты колхозов. Однако в 1930 г. только 33% колхозов из 80 тыс. представили отчеты, в 1931 г. – 26,5% из 230 тыс., в 1932 г. – 40% из примерно того же числа колхозов (табл. 3). Частичный распад колхозов в ряде районов в 1932 г. показывает, что большинство колхозов, включенных в эту статистику, обслуживались машинно-тракторными станциями, которые должны были проверять и обобщать отчеты колхозов в районах своей деятельности (кроме МТС отчеты колхозов обрабатывали районные земельные отделы).

Преобладание колхозов, обслуживаемых МТС, среди представлявших годовые отчеты, указывает на то, что, несмотря на серьезные недостатки, МТС играли и положительную роль[28]. Правда, при нехватке кадров счетных работников и их низкой квалификации, по свидетельству В.И. Звави-

ча, советского специалиста по отчетам, допускались грубые ошибки при составлении отчетов. Это признавал и заместитель начальника ЦУНХУ Госплана А.С. Попов. В 1935 г. он писал: годовые отчеты настолько плохи, что использовать их для анализа колхозного производства еще рано. Поэтому ЦУНХУ провело в 1932–1935 гг. ряд «динамических обследований», основывавшихся на более детальном анализе годовых отчетов и других документов 12 707 колхозов (табл. 4). Тем не менее Звавич делает вывод: несмотря на то что отчеты составлены плохо, их можно рассматривать как достоверные и отражающие действительное положение дел в колхозах[29].

По данным Народного комиссариата земледелия (НКЗ), средний урожай в колхозах СССР составлял 5,4 ц/га, 6,0 – в РСФСР и 5,1 – на Украине; это значительно ниже официальных цифр 6,8; 6,5 и 8,0 (табл. 5). Данные ЦУНХУ еще ниже: средний урожай по РСФСР и Украине – 5,2 и 4,98 ц/га (табл. 6). Хотя и эти цифры нельзя считать абсолютно достоверными, они основывались на более детальном исследовании и проверке данных, представленных колхозами, чем НКЗ.

Резкий рост урожайности 1933 г. показывают также данные ЦУНХУ: на Украине – с 4,98 до 8,07 ц, или на 60%, в РСФСР – с 5,2 до 6,03 ц, почти на 20%. Тем не менее по официальной статистике урожай в 1933 г. был ниже, чем в 1932 г. Валовой сбор зерна в 1933 г. вырос в основном за счет повышения урожайности, а не посевных площадей (табл. 7). Советская статистика по производству зерна с того времени основывается исключительно на количестве посевных площадей, хотя советские крестьяне никогда не собирали полностью урожая со всей засеянной земли[30].

Хотя урожаи по данным годовых отчетов и динамических обследований в большинстве районов были намного ниже, чем гласили официальные сведения, в таких районах, как Западная Сибирь, они действительно превзошли официальные цифры. Это еще раз доказывает, что последние – результат преджатвенных оценок[31]. Архивные свидетельства о низких урожаях и разница между архивными и официальными данными приводят к заключению, что власти, принимая во внимание низкий урожай, сокращали задания по заготовкам[32].

Данные динамических обследований были опубликованы в двух таблицах в издании «Сельское хозяйство от VI к VII съезду Советов» в 1935 г. Первая, основанная на сведениях ЦУНХУ, показывает, что собранный урожай 1933 г. в обследованных колхозах превосходил урожай 1932 г. на Украине на 63%, в Белоруссии – на 43,5, в России – на 16%. Вторая таблица показывает, как вырос средний валовой сбор зерна на один колхоз и одного работника (табл. 8). Согласно таблице в 1935 г. он достиг на Украине 80%, в Советском Союзе в целом – 40%[33].

Архивные данные показывают, что урожай 1932 г. в колхозах был значительно ниже, чем выходило по официальной статистике; на это указывали и другие опубликованные источники. Например, Ю.А. Мошков приводит архивные свидетельства очень низких урожаев: меньше 3 ц/га во мно-

гих украинских колхозах и колхозах Северного Кавказа. Тольц пишет, что урожай на Северном Кавказе и Нижней Волге был меньше 4 ц и лишь немного больше на Украине. Даже в 1933 г. Сульковский, глава Украинской центральной государственной комиссии по определению урожайности зерновых, признавал, что в 1932 г. во время уборки на Украине было потеряно 210–220 млн пудов зерна[34]. Таблицы ЦУНХУ свидетельствуют, что эти показатели занижены.

Судя по годовым отчетам, колхозы, представившие отчетность, в среднем получили по 5 ц/га. Но тогда следует допустить, что остальные колхозы получили не менее 11 ц/га, чтобы средний урожай составил 8 ц, как это следует из официальных данных. Это маловероятно. Ограниченная информация, которую можно получить о более отдаленных регионах, не дает оснований предполагать, что уровень сельскохозяйственного производства там был намного выше, чем в других местах. Даже украинский эмигрантский источник сообщает, что в отдаленных деревнях люди страдали от голода больше, чем жившие ближе к городам[35]. Таким образом, производство зерна в колхозах, не представивших годовые отчеты, было, вероятно, еще ниже, чем в колхозах, отчеты представивших.

По официальным данным, в 1932 г. колхозы собрали 66,9% общего количества зерна; остальное приходилось на совхозы (9,5%) и единоличные хозяйства (23,6%). Различные источники показывают, что урожаи в совхозах и у единоличников были не выше, чем в колхозах. В совхозах Северного Кавказа, которые должны были дать 25% совхозных хлебозаготовок, урожаи упали с 16 ц в 1930 г. до 8,4 – в 1931 г. и 2,9 ц – в 1932 г. Количество заготовленного зерна сократилось с 372 400 т в 1931 г. до 213 500 в 1932 г. Они смогли выполнить план хлебозаготовок, только на 60%, т.е. собрали 475 000 т; вместе с тем производство зерна, по официальным данным, достигло 1,56 млн т. Такая большая разница между выполнением хлебозаготовок и урожаем труднообъяснима, если не предположить, что урожай, как и в колхозах, определен до уборки и цифры завышены[36].

Единоличники в 1932 г., по официальным данным, посеяли 21,4% общего количества зерновых, но получили 23,6% валовой продукции, оказавшись, таким образом, несколько более производительными, чем колхозы и совхозы. В то же время единоличники, вероятно, еще в большей степени, чем колхозы и совхозы, не выполнили план хлебозаготовок. На Украине, например, они выполнили только 39,5% плана[37]. Если выполнение плана хлебозаготовок может служить показателем производства, значит, совхозы и единоличники собрали значительно меньшие урожаи зерновых, чем показывают официальные цифры. Статистика, взятая из годовых отчетов, свидетельствует, что официальные данные по колхозному производству основывались на биологических урожаях или других преджатвенных оценках. Другие источники позволяют предположить, что подобные методы определения урожая применялись в 1932 г. к единоличным хозяйствам и, по всей вероятности, к совхозам[38]. Следовательно, их урожаи, а значит и весь урожай зерновых 1932 г., также были завышены.

Можно приблизительно определить степень завышения, экстраполируя архивные данные по колхозам. Официальные цифры урожаев в колхозах в целом по СССР и Украине (6,8 и 8,0 ц) близки к средним цифрам по всем секторам (7,0 и 8,1 ц). Можно допустить, что архивные данные по колхозным урожаям (6,4 и 5,0 ц) близки к реальному среднему уровню по всем секторам, и, следовательно, данные о колхозном производстве в годовых отчетах могут служить основой для исчисления производства зерна в 1932 г. Таким образом, для Украины официальное количество посевных площадей (18,1 млн га), сокращенное с учетом действительно собранного урожая (93,8%) до 17 млн га и умноженное на средний урожай (5,1 ц), дает общий урожай в 8,7 млн т – примерно 60% от официальной цифры 14,6 млн т. Эти вычисления позволяют согласиться с утверждением Голубничего, что в 1932 г. пропало 40% урожая. Подобные же вычисления по СССР в целом: засеяно 99,7 млн га; это сокращается на 7% (по данным ЦУНХУ) – до 92,72 млн га – и умножается на средний урожай (по данным НКЗ) в 5,4 ц; итого получается урожай в 50,06 млн т, т.е. почти на 30% ниже официальной цифры 69,87 млн т, что близко к цифрам, которые приводил Шиллер.

Если же колхозы, не представившие годовых отчетов, производили меньше зерна, чем представившие, и если урожаи в совхозах и у единоличников были такими же низкими, то валовой сбор мог быть еще меньше 50 млн т [39].

Низкий урожай 1932 г. – результат многих экономических, организационных и политических причин. Так же, как и статистические данные, вызывают сомнения в правдивости утверждения о том, что урожай был хороший и голод, следовательно, был вызван искусственно[40]. Если урожай был настолько низок, то голод в первую очередь явился результатом нехватки продовольствия. Свидетельства о том, как широко географически были распространены нехватка продовольствия и голод в деревне и городе в 1932–1933 гг., служат сильной поддержкой такой теории.

Фрагментарные данные показывают, что во многих сельскохозяйственных регионах остро не хватало продовольствия. Голод и смерть от истощения имели место в Смоленской и Орловской областях; в отчете Центрально-Черноземной области говорится о больших трудностях с продовольствием в колхозах и о «массовых случаях опухания от голода и смертях»[41]. Бывший колхозник из Белоруссии свидетельствует, что Белоруссию тоже поразил голод. Советский специалист по Поволжью А.Ф. Каревский писал о «значительных трудностях с продовольствием» в 1931–1933 гг.; советский писатель М. Алексеев, живший в начале 30-х годов в деревне под Саратовом, пишет о массовых смертях от голода. Посольство Великобритании получило донесения о массовом сопротивлении крестьян хлебозаготовкам в Сибири. Канадский специалист по сельскому хозяйству Эндрю Кэрнс, объехавший большинство крупных зерновых районов летом 1932 г., был встречен в сибирском городе Славгороде толпами людей, говоривших о том, что деревни пусты и люди в деревнях голодают до смерти[42].

Голод поразил не только деревни. Коллективизация не облегчила проблемы с продовольствием в 1930–1933 гг. Напротив, продовольствия для городов становилось все меньше и ситуация достигла критической точки к 1932–1933 гг.[43] Быстрый рост городского населения в годы первой пятилетки привел в города и на стройки более 10 млн человек и увеличил численность получавших продукты по карточкам с 26 млн в 1930 г. до 40 млн в 1932 г.[44] Производство продуктов питания снижалось, и, несмотря на рост хлебозаготовок, количество продовольствия для городов отчаянно уменьшалось; запасы были значительно меньше, чем требовалось по карточкам. В 1931 г. правительство уменьшило нормы для многих категорий и лишило целые группы трудящихся снабжения. В 1932 г. были введены еще более жесткие ограничения. В сообщении посольства Великобритании от 4 мая 1932 г. говорится, что, хотя в Москве снижены нормы снабжения по карточкам на некоторые продукты, положение в провинции намного хуже. Сократились нормы для рабочих, а члены их семей вообще перестали получать продукты по карточкам, и все деньги приходилось тратить на рынке. Сообщение в июле 1932 г. гласило, что «основная трудность, стоящая сейчас перед страной, – нехватка продовольствия». Отчеты Кэрнса содержат сведения об уменьшенных нормах (но даже и эти карточки нельзя было отоварить полностью), о «фантастически» высоких ценах на продукты и о том, что в больших и маленьких городах все труднее становится достать продукты на базаре. Украинские эмигрантские источники тоже сообщают о «страшной нехватке продовольствия» в городах Украины[45].

В 1932 г. усиливающаяся нехватка продовольствия физически ослабила трудящихся и вынудила многих оставить работу в поисках пищи. Во многих отраслях промышленности текучесть кадров превосходила 100% каждые несколько месяцев, а промышленное производство упало до уровня 1928 г. Недавние исследования по Днепростроию показывают, что, хотя голод в 1932–1933 гг. в деревне был страшнее, чем в городе, он тем не менее «даже здесь пагубно сказывался на здоровье населения». Хлебные нормы неуклонно снижались и не обеспечивались полностью; люди должны были оставлять работу, чтобы выстаивать в длинных хлебных очередях; широко распространились тиф, туберкулез и оспа. Сообщения из нескольких советских городов, опубликованные в эмигрантской прессе, гласили, что в 1932 г. цены на продовольствие намного превысили заработную плату рабочего. Рабочие и служащие продавали все, что у них было, чтобы купить хлеб, процветало воровство, и не было перспектив улучшения. Люди оставляли фабрики и заводы, крестьяне бежали из деревень, и в результате миллионы мыкались по стране в поисках лучших условий. В ответ на это правительство возродило (в конце 1932 г.) существовавший еще при царизме институт внутренних паспортов[46].

В первой половине 1933 г. положение еще более ухудшилось. Исследования, опубликованные в меньшевистской прессе, показывают, что в то время «внимание населения (в Москве)... полностью поглощено голодом»

и, следовательно, эта проблема должна была быть «всепоглощающей во всех других областях, где голод намного сильнее». К маю горожане не видели «съедобного хлеба» уже шесть месяцев, города были полны голодающими детьми. По данным Мориса Хиндуса, вторая пятилетка началась (в 1933 г.) с продовольственного кризиса, более страшного, чем в 1921 г., с более низких, чем они были в течение 10 лет, продовольственных норм, и эти нормы все уменьшались. Осенью 1932 г. в Киеве нормы для рабочих урезаны с 2 до 1,5 фунта, для служащих – с 1 до 0,5 фунта. В середине июля 1933 г. посольство Великобритании сообщает о страшной нехватке продовольствия, о том, что люди болеют и умирают от голода в провинциальных городах и даже в Москве. В ряде зарубежных изданий появляются аналогичные свидетельства о растущем недовольстве рабочих уменьшающимися нормами продовольствия, о забастовках, о том, что фабрики и заводы пустеют[47].

Рыночные цены на хлеб и другие продукты питания показывают, как велика была нехватка продовольствия и как долго она длилась. Цены, особенно на хлеб, выросли более чем вдвое в первые месяцы 1932 г. и продолжали расти в 1933 г.; цены на зерно и муку достигли предела в июне 1933 г. Тем не менее, как только был собран урожай 1933 г., цены быстро начали падать; к декабрю цены на зерно упали больше чем на 60%. Произошло это главным образом в результате политики правительства, заставившего кооперативы продать часть собранного зерна по ценам несколько ниже, чем на крестьянских рынках. Неэффективность этих мер вплоть до конца 1933 г. показывает, что продовольствия не хватало[48].

Собранные ЦУНХУ и недавно опубликованные Уиткрофтом данные о смертности по разным регионам Советского Союза показывают, что, хотя в некоторых областях Украины голод был сильнее, чем в других регионах, он имел место отнюдь не только на Украине. Смертность как в городах, так и в деревнях резко возросла по сравнению с 1932 г. в большинстве регионов, а в Поволжье, на Урале, в Сибири и центральных сельскохозяйственных районах она подходила к смертности на Украине или даже равнялась ей. Это подтверждается в работе Максудова на основании данных переписи 1959 г. и недавними заявлениями советских украинских авторов Кульчицкого и Дьяченко, что голод поразил не только Украину и Северный Кавказ, но и бассейн Волги (от Горького до Астрахани), Центрально-Черноземную область, районы Урала и Казахстана и, как указывает один украинский ученый, даже такие регионы, как Вологда и Архангельск[49].

Нехватка продовольствия и ее последствия усилили партийную оппозицию сталинскому руководству. По данным Бориса Николаевского, к 1932 г. распространившийся голод и последовавшее в результате его снижение производительности труда привели к возникновению «антисталинского большинства», разработавшего программу платформы Рютина и другие оппозиционные программы. Члены партии и правительственные чиновники были недовольны нехваткой продовольствия и хлебозаготовительной кампанией 1932 г. Чтобы подавить недовольство, правительство начало

суровую чистку на Северном Кавказе и Украине в конце 1932 г. и в следующем году распространило ее на всю страну[50].

Снижение урожая привело также и к уменьшению экспорта зерна. Уменьшение запасов, предназначенных на экспорт, началось после сбора урожая 1931 г. (он был низким из-за засухи) и последующих поборов, вызвавших голод в Поволжье, Сибири и других регионах. В 1932 г. советское руководство было вынуждено вернуть собранное в этих районах зерно. Низкий урожай 1931 г. и возвращение зерна в районы, пораженные голодом, заставили правительство сократить экспорт зерна с 5,2 млн т в 1931 г. до 1,73 млн т в 1932 г.; в 1933 г. он упал до 1,68 млн т. Зерно, проданное за границу в 1932 и 1933 гг., могло бы накормить многих людей и уменьшить голод. 354 000 т, экспортированных в первой половине 1933 г., хватило бы, чтобы обеспечить ноль с лишним человек дневной нормой (1 кг) в течение шести месяцев. И вместе с тем этот экспорт составлял половину от 750 000 т, проданных за границу в первом полугодии 1932 г.[51] Как советское руководство представляло себе, к чему приведет уменьшение объема экспорта и запасов продовольствия для всей страны, не ясно, но доступные материалы показывают: дальнейшее сокращение или прекращение экспорта зерна могло иметь серьезные последствия. В начале 30-х годов цены на зерно на мировом рынке упали, условия торговли стали неблагоприятными для Советского Союза, его задолженность росла, а возможности уплаты долгов были ограниченны; так что западные банкиры и государственные деятели уже подумывали о том, чтобы конфисковать советскую собственность за границей и отказать в дальнейших кредитах в случае невыполнения Советами своих обязательств. Поэтому прекращение экспорта могло поставить под угрозу выполнение плана индустриализации и, по мнению некоторых обозревателей, стабильность режима[52].

Хотя правительство и не прекратило экспорт, оно действительно пыталось облегчить голод. Декрет Центрального Комитета от 25 февраля 1933 г. давал как ссуду семенной фонд в 320 000 т Украине и 240 000 т Северному Кавказу. Семена были даны Нижней Волге и, возможно, другим районам. Кульчицкий приводит данные партийных архивов Украины, показывающие, что общая помощь Украине к апрелю 1933 г. в действительности превосходила 560 000 т, в том числе 80 000 т продовольствием. Помощь только Украине на 60% превышала количество проданного за границу в тот период. За первую половину 1933 г. голодающим районам зерна было выделено в два с лишним раза больше, чем продано на экспорт. То, что большая помощь не оказывалась, представляется еще одним результатом низкого урожая 1932 г. После неурожаев 1931, 1934 и 1936 гг. собранное у крестьян зерно было возвращено им за счет сокращения экспорта[53].

Низкий урожай 1932 г. означал, что не хватало достаточного количества хлеба для городов, деревень, для будущего посева и продажи на экспорт. Власти сократили все, но в конце концов интересы деревни оказались на последнем месте. Тотальные хлебозаготовки резко ухудшили положение деревни, но в какой-то степени обеспечили городское население продовольствием. В противном случае в состоянии голода оказались бы города,

ыде и так в 1933 г. смертность возросла. Необходимость создания семенного фонда и государственных резервов, а также хаос, царивший в те годы в Советском Союзе, приводят к заключению, что даже полного прекращения продажи зерна за границу было бы недостаточно для того, чтобы предотвратить голод. Все это говорит о том, что голод является не только результатом хлебозаготовок 1932 г. и сознательного акта геноцида. Низкий урожай 1932 г. сделал голод неизбежным. Но дело не только в этом. Ответственность за лишения и страдания советского народа в начале 30-х годов несет советское руководство. Приведенные здесь данные позволяют более точно определить последствия насильственной коллективизации, чем это можно было сделать ранее; по крайней мере, они показывают, что голод был в основном результатом провала экономической политики, «революции сверху» и менее всего результатом «успешной» национальной политики в отношении украинского и других народов.

Таблица 1

Официальная статистика производства зерна и заготовок по Советскому Союзу в целом и Украине (1930–1934 гг.)

Год	Посевная площадь, млн/га	Урожай					Урожайность (фактическая)			
		биологический, млн т	собранный, млн т	биологический средний, ц/га	колхозы, ц/га	совхозы, ц/га	средняя, ц/га	колхозы, ц/га	совхозы, ц/га	хлебозаготовки, млн т
				Советский Союз						
1930	101,8	–	83,5/77	–	–	–	8,5	–	9,3	22,1
1931	104,4	–	69,5	–	–	–	6,7	–	–	22,8
1932	99,7	–	69,9	–	–	–	7,0	6,8	7,2	18,5
1933	101,6	89,8	68,5	8,8	8,5	–	6,7	–	–	22,9
1934	104,7	89,4	67,7	8,5	–	8,4	6,5	–	–	22,7
				Украина						
1930	22,3	–	22,7	–	10,2	–	–	–	14,6	7,7
1931	21,2	–	18,3	–	8,3	–	–	–	–	7,0
1932	18,1	–	14,6	–	7,2	–	8,1	8,0	9,2	4,7
1933	19,9	22,2	16,9	11,2	–	–	–	–	–	5,0
1934	20,2	12,3	10,2	6,1	6,0	6,3	5,0	–	–	5,0

Источники: Сельское хозяйство: Ежегодник, 1935. М., 1936. С. 215, 243–249, 269; *Зеленин И.Е.* Основные показатели сельскохозяйственного производства в 1928–1935 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1965. М., 1970. С. 473; *Кульницький С.В.* До оцінки становища в сільському господарстві УССР // Укр. іст. жур. 1988. № 3. С. 24, 26; *Голубничий В.* Причины голода в 1932–1933 гг.; англ. пер. в: Мета. 1979. № 2. С. 22–25.

Таблица 2

Продажа зерна и количество зерна, оставшегося у населения (в млн т)

Год	Урожай	Общая продажа	Возвращено в сельское хозяйство	Чистая продажа	Осталось у населения
1931	69,5	23,7	4,9	18,8	50,7
1932	69,6	19,4	5,7	13,7	55,9
1933	68,5	25,6	1,27	24,3	44,2
1934	67,7	27,1	1,13	26,0	41,6

* Общая продажа включает то, что получено децентрализованным путем, а также колхозную и частную рыночную продажу зерна.

Источники: Данные о зерне, возвращенном в сельское хозяйство см.: *Барсов А.А.* Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М., 1969. С. 103. Цифры по общей продаже вычислены по: *Уитмен Дж. Т.* Колхозный рынок // Совьет стадиз. 1956. № 7. С. 390. Возвращено в сельское хозяйство в 1933 г.: *Мошков Ю.А.* Зерновая проблема. С. 131; в 1934 г. – по постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О семенной помощи колхозам»: С. З. 1935. № 1. Ст. 2 от 26 дек. 1934 г. Обе последние цифры включают только государственную помощь семенами и продовольствием и, следовательно, занижены; чистая продажа была больше, у населения оставалось меньше.

Таблица 3

Годовые отчеты колхозов

Регион	Обслуживаемые МТС			Не обслуживаемые МТС			Всего		
	кол-во	%	1000 хоз-в	кол-во	%	1000 хоз-в	кол-во	%	1000 хоз-в
СССР*	33 194	50,9	3 528	39 685	21,3	2455	77 209	40,0	6 765
РСФСР*	16 803	39,0	1 612	31 084	27,7	1811	52 217	33,6	4 204
Украина	9 176	73,4	1 421	2 794	21,8	386	11 970	47,3	1 808
Северный Кавказ	–	–	–	–	–	–	4 330	86,6	781
Нижняя Волга	1 029	78,0	228	342	17,5	61	1 434	42,8	289
Средняя Волга	1 913	86,9	322	1 879	62,6	245	3 729	72,9	567
Центрально-Черноземная область	3 235	39,5	371	1 800	25,4	155	5 035	32,9	527
Московская область	–	21,6	–	–	22,4	–	–	22,2	–
Западно-Сибирский край	–	66,1	–	–	48,3	–	–	52,0	–

* Кроме Северного Кавказа.

Источник: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 3. Д. 4456. (Таблицы данных о состоянии колхозов в 1932 г., составленные по материалам годовых отчетов.)

Таблица 4

Количество колхозов, подвергшихся динамическому обследованию

Регион	Кол-во колхозов	%
РСФСР*	9 362	7,0
Азово-Черноморский край **	808	23,1
Сталинградская область	347	24,8
Центрально-Черноземная область	1 518	9,7
Украина	2 864	12,1
Белоруссия	481	5,0

* Всего по 12 областям.
** Так в источнике.

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 77. Д. 70. (Динамика хозяйственного состояния колхозов за 1932 и 1933 гг. Данные выборочной связной разработки годовых отчетов колхозов. Вып. 1. Областные итоги. Не подлежит оглашению. ЦУНХУ Госплана СССР, сектор учета сельского хозяйства, секция колхозов.)

Таблица 5

Распределение валового сбора зерновых

Регион	Средний урожай, ц/га				Государственные заготовки, % колх. продукции			Оплата на трудодни, % колх. продукции		
	МТС	не МТС	всего	офиц. урож.	МТС	не МТС	всего	МТС	не МТС	всего
СССР	5,3	6,3	5,4	6,8	40,7	30,7	33,4	20,8	29,6	22,6
РСФСР	5,5	6,5	6,0	6,5	42,4	29,5	36,0	23,0	30,6	26,8
Северный Кавказ	–	–	3,9	6,1	–	–	60,7	–	–	10,0
Нижняя Волга	3,6	4,0	3,7	4,2	58,3	58,4	58,3	11,5	10,4	11,3
Средняя Волга	6,7	3,9	5,0	5,4	34,8	43,9	39,3	28,8	20,8	24,9
Московская область	8,6	8,5	8,5	9,0	14,0	14,8	14,6	39,2	42,9	41,8
Западная область	6,8	7,4	7,2	8,0	8,9	7,3	7,7	42,1	42,4	42,3
Западно-Сибирский край	7,8	7,7	7,7	6,7	36,6	29,5	32,6	27,7	34,1	31,3
Украина	5,1	5,0	5,1	8,0	37,3	43,8	38,6	13,6	13,8	13,7
Киевская область	4,6	4,9	4,7	–	30,6	22,8	28,6	19,2	19,2	19,2
Винницкая область	6,8	6,7	6,8	–	36,4	37,8	36,5	21,7	20,4	21,6
Харьковская область	5,3	5,1	5,2	–	50,4	49,6	50,1	11,5	13,0	12,0
Днепропетровская область	4,6	5,1	4,7	–	58,8	59,7	58,9	9,8	11,1	10,0
Одесская область	5,3	6,3	5,3	–	–	–	–	9,2	8,9	9,1
Донецкая область	4,4	4,3	4,4	–	55,4	55,2	55,4	10,9	12,1	11,2

Источник: См. табл. 3. Официальные цифры взяты из: Сельское хозяйство СССР. 1936. С. 269.

Таблица 6

Сравнительные данные о посевных и уборочных площадях и о собранном урожае

Регион	Засеяно, га		Убрано га, % от засеянного		Собранный урожай, ц/га	
	1932 г.	1933 г.	1932 г.	1933 г.	1932 г.	1933 г.
РСФСР*	508	546	92,5	97,3	5,2	6,03
Азово–Черноморский край **	1603	1378	88,4	100,0	3,58	6,19
Сталинградская область	2328	2365	89,3	96,8	3,47	3,38
Центрально–Черноземная область	416	479	97,5	98,7	6,2	6,49
Татарская АССР	600	700	97,7	100,0	7,0	7,95
Московская область	122	155	98,4	99,3	7,74	8,41
Западно–Сибирский край	511	607	97,3	97,8	7,67	7,96
Белоруссия	128	147	95,2	98,6	4,66	6,69
Украина	604	677	93,8	96,8	4,98	8,07
Киевская область	463	530	92,6	96,5	4,49	7,91
Черниговская область	345	437	92,7	98,8	4,57	6,26
Винницкая область	361	472	97,3	97,1	6,7	9,61
Харьковская область	643	691	89,9	97,3	4,77	7,95
Днепропетровская область	884	977	95,0	96,0	4,85	8,48
Одесская область	713	770	96,0	95,0	5,49	8,43
Донецкая область	826	890	91,0	97,4	4,12	6,32

* Всего по 12 областям.

** Так в источнике.

Источник: См. табл. 4.

Таблица 7

Процентные изменения посевных площадей
и валового сбора зерна
в 1932–1933 гг.

Регион	Изменение посевных площадей	Изменение урожая
РСФСР*	+8,9	+17,4
Азово-Черноморский край**	–6,3	+55,4
Сталинградская область	+1,9	–2,6
Центрально-Черноземная область	+18,4	+5,6
Средняя Волга	+10,9	–3,8
Татарская АССР	+20,9	+16,7
Белоруссия	+18,3	+50,6
Украина	+14,4	+70,9
Киевская область	+17,3	+88,8
Черниговская область	+34,5	+59,8
Винницкая область	+37,5	+59,8
Харьковская область	+11,0	+72,9
Днепропетровская область	+10,5	+82,7
Одесская область	+8,9	+58,1
Донецкая область	+7,6	+58,3

* Всего по 12 областям.
** Так в источнике.
Источник: См. табл. 4.

Таблица 8

Изменение валового сбора зерна в колхозах в 1932–1933 гг. (в ц)

Регион	Год	На колхоз	На работника
Украина	1932	3 010	9,9
	1933	5 406	17,7
Белоруссия	1932	596	6,0
	1933	991	8,7
РСФСР	1932	2 640	12,6
	1933	3 262	15,5
СССР	1932	2 645	11,7
	1933	3 655	16,0

Источник: Сельское хозяйство от VI к VII съезду Советов. М., 1935. С. 35.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Литература о голоде обширна, см.: Расследование голода на Украине, 1932–1933: Отчет Конгрессу. Вашингтон (Д.К.): Правительственная типография, 1988; *Конквест Р.* Урожай скорби. Нью-Йорк, 1986. С. 222, 264–265; *Сербин Р., Кравченко Б.* Голод на Украине в 1932–1933 гг. Эдмонтон, 1986.

[2] Расследование... С. 191 (в начале 80-х годов урожаи в среднем равнялись 15 ц/га); Ежегодник производства ФАО. Рим, 1985. С. 39. Табл. 15.

[3] *Пидгайный С.О.* Черные дела Кремля: Белая книга. Детройт, 1955. С. 489, 531, 547 (один из издателей действительно указывал, что урожай был очень мал – С. 4350; *Сталин И.В.* Собр. соч.: В 13 т. М., 1946–1949, 1951 гг. Т. 13. М., 1951. С. 216.

[4] Примеры теории геноцида см.: *Конквест Р.* Урожай скорби. С. 323–330; *Пидгайный С.О.* Черные дела... С. 29–119; Расследование... Гл. 1. Голод все больше и больше представляется актом геноцида, сравнимым с Холокостом (см., например, статью Мэйса о голоде в работе: К пониманию и предотвращению актов геноцида на международной конференции по Холокосту и геноциду / Под ред. И. У. Чарны. 1984. С. 62–83).

[5] Такая трактовка голода оспаривалась из-за некритического отношения к источникам: Entfachte Stalin die Hungersnot von 1932–1933 zur Ausloeschung des ukrainischen Nationalismus? // Ежегодник истории Восточной Европы. 1989. № 37. С. 569–590.

[6] См.: *Сталин И.В.* Указ. соч. Т. 13. С. 320.

[7] См., например: *Ясный Н.* Коллективизированное сельское хозяйство Советского Союза. Стенфорд, 1949. С. 539; *Джонсон Д.Г., Каган А.* Советское сельское хозяйство: Структура и возрастание // Сравнение экономики Соединенных Штатов и Советского Союза, совместный экономический комитет конгресса США. Вашингтон, 1960. С. 231; *Мошков Ю.А.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации. М., 1966. С. 231 (табл.); *Уиткрофт С.Г.* Переоценка сельскохозяйственной продукции Советского Союза 20-х и 30-х годов // Советская сельская экономика. Нью-Йорк, 1983. С. 42; *Хантер Г.* Советское

сельское хозяйство без коллективизации и при ней, 1928–1940 // Славик ревью. 1988. № 47. С. 205. Оценки этих ученых колеблются между 62 млн и 68 млн т и мало отличаются от официальных советских цифр. Многие ученые, как советские, так и эмигранты с Украины, принимают советские цифры как достоверные: *Пидгайный С.О.* Черные дела... С. 63–64; *Левин М.* Отбирая зерно: Советская политика сельскохозяйственных налогов перед войной // Становление советской системы. Нью-Йорк, 1985. С. 166; История крестьянства СССР: История советского крестьянства: В 5 т. М., 1986. Т. 2. С. 260; *Конквест Р.* Урожай скорби. С. 222; Расследование... С. 70.

8 Система биологических урожаев была введена постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 17 декабря 1932 г., установившим систему межрайонных комиссий, подчиненных областным и центральным государственным комиссиям (ЦГК) при СНК для оценки урожая. Межрайонные комиссии на основании урожая с нескольких квадратных метров в колхозах устанавливали общую урожайность и определяли объем хлебозаготовок. До 1939 г. скидка на потери определялась в 10%. Поскольку на самом деле потери зерна при уборке в среднем равнялись по меньшей мере 25%, при этом методе урожай завышался минимум на 15%. Н.С. Хрущев отменил эту систему. См.: *Выцан М.А.* Укрепление материально-технической базы колхозного строя во второй пятилетке (1933–1937). М., 1959. С. 119–122; *Он же.* Методы исчисления производства зерна в 1933–1940 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965. М., 1970. С. 478–481; *Зеленин И.Е.* Основные показатели сельскохозяйственного производства в 1928–1935 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965. М.: Изд-во МГУ, 1970. С. 465–466.

9 См.: *Дэвис Р.У.* Социалистическое наступление. Т. 1. Коллективизация сельского хозяйства, 1929–1930. Кембридж, 1980. С. 65–68; *Уиткрофт С.Г.* Переоценка... С. 37–38; см. также статью главы ЦГК В.В. Осинского о необходимости точной статистики: Известия. 1932. 9 марта.

10 См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 5. С. 366–369. Торговля колхозов и крестьян по кооперативным ценам была разрешена в октябре 1931 г. (см.: *Мошков Ю.А.* Зерновая проблема... С. 201). Соответствующие декреты см.: *Горелик С.М., Малкис А.И.* Советская торговля: Очерки теории и практики торговли в СССР. М., 1933. С. 125; *Уитмен Дж.Т.* Колхозный рынок // Совьет стадиз. 1956. 7 апр. С. 387.

11 См.: *Мошков Ю.А.* Зерновая проблема... С. 195–197; *Дэвис Р.У.* Модели экономических систем в советской практике, 1926–1936: Индустриализация СССР в тридцатые годы / Под ред. Ш. Беттельхейма. Париж, 1982. С. 17–30; *Дэвис Р.У.* Социалистический рынок: Споры в советской индустрии // Славик ревью. № 47. С. 202. Вскоре после

майского постановления В. Куйбышев практически уравнял налог и сельскохозяйственную торговлю как источники снабжения (см.: *Мошков Ю.А.* Зерновая проблема... С. 200 (ссылки)). В октябре Л. Каганович заявил, что «главная задача – организовать и распространить советскую колхозную торговлю как наиболее значительный фактор улучшения снабжения и дальнейшего укрепления смычки города с деревней». См.: *Нейман Г.Я.* Пути развития советской торговли. М., 1934. С. 83. О мнениях местных чиновников см., например, июльскую речь наркома земледелия Я.А. Яковлева (Вопросы организации социалистического сельского хозяйства. М., 1936. С. 389–390). О взглядах иностранцев см.: Нео-пэп? // Ост-Европа. 1932. Июль.

12 Высказывание Мэйса приведено в: Расследование... С. 72; высказывание Конквеста – Урожай скорби... С. 175, 222. Декрет легализовал только свободу рыночных цен, так как колхозная торговля была уже разрешена. О резолюции Всеукраинской партийной конференции, принявшей майскую норму налога, см.: Історія колективізації сільського господарства Української РСР: В 3 т. Київ, 1971. Т. 2. С. 611.

13 Проект второго пятилетнего плана: В 2 т. М., 1934. Т. 1. С. 370; *Барсов А.А.* Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М., 1969.

14 О сокращении налога, принятом комиссией, см.: Колхозная правда. Ростов н/Д, 1932. 7 нояб. С. 2. О харьковской комиссии см.: Ткач Н.І. Боротьба партійних організацій України за піднесення колгоспного виробництва в період між XVII і XVIII зїздами ВКП(б) (1934–1938 рр.) // З історії соціалистичного и комуністичного будівництва на Україні (1934–1961). Київ, 1963. С. 5. Там указано, что налог на Украине был снижен на 138 млн пудов. О специальной комиссии см.: *Кульчицький С.В.* До оцінки становища в сільскому господарстві УРСР // Укр. іст. жур. 1988. № 3. С. 23–24; *Вылцан М.А., Данилов В.П., Кабанов В.В., Мошков Ю.А.* Коллективизация сельского хозяйства СССР: Пути, формы, достижения. М., 1981. С. 274. Также была послана комиссия в Саратов, на Нижнюю Волгу, но ни в одной из двух местных газет я не нашел опубликованных сниженных норм налога.

15 См.: *Барсов А.А.* Баланс... С. 99–105; *Он же.* Сельское хозяйство и источники социалистического накопления в годы первой пятилетки (1928–1932) // История СССР. 1968. № 3. С. 71.

16 По 1933 г. см.: Расследование... XVIII; по 1934 г.: *Кравченко Б.* Голод 1932–1933 гг. как дело рук человека и коллективизация на Советской Украине // Сербин Р., Кравченко Б. Голод на Украине... С. 21. Численность сельского населения Украины снизилась с 23,67 млн человек в 1926 г. до 19,76 млн в 1939 г., и пик миграции в горо-

да (более чем 8 млн человек) пришелся на 1931–1932 гг.; см.: *Лоример Ф.* Население Советского Союза. Женева, 1946. С. 150, 158. По мнению Романа Сербина (Голод на Украине... С. 152), украинцы в среднем потребляли 17,6 пудов (288 кг) зерна на душу населения в год; 12 пудов (196 кг) считалось минимальной нормой.

17 О смертности от голода см.: *Данилов В.П.* Дискуссия в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. и демографической катастрофе 30–40-х годов в СССР // Вопр. истории. 1988. № 3. С. 116–121, а также рецензию Р.У. Дэвиса на «Урожай скорби» (Детант. 1987. № 9–10). Недавно опубликованные данные переписи населения в Советском Союзе показывают, что смертность от голода была значительно ниже, чем представлялось по высоким данным, приведенным в работе В.В. Цаплина «Статистика жертв сталинизма в 30-е годы» (Вопр. истории. 1989. № 4. С. 178); см. также: *Уиткрофт С.* Больше света на уровень репрессий и колоссальную смертность в Советском Союзе в 30-е годы // Совьет стадиз. 1990. № 42. С. 355–367; *Ноув А.* Сколько жертв в 30-е годы? // Там же. С. 369–373. Зерно, отпущенное в декабре 1934 г. в виде продовольствия, семенного фонда и корма для скота, не может повлиять на эти заключения. См.: Справочник партийного работника. М., 1935. № 9. С. 212.

18 *Ясный Н.* Коллективизированное сельское хозяйство... С. 539–540, 551–556; *Броуэр Д.Н.* Коллективизированное сельское хозяйство в Смоленске: Партия, крестьянство и кризис 1932 г. // Рус. обозрение. 1977. № 32. С. 21, 162. (Броуэр ошибочно приводит официальные цифры по данным Моше Левина); *Тольц М.* Сколько же нас тогда было? // Огонек. 1987. № 51 (вместе с тем в позднейшей работе Сергей Дьяченко привел официальные цифры, чтобы снова доказать: урожай не был причиной голода: Страшный месяц // Огонек. 1989. № 24); *Уиткрофт С.Г., Дэвис Р.У., Купер Дж.М.* Новые размышления об индустриализации Советского Союза: Некоторые предварительные соображения о развитии экономики между 1926 и 1941 гг. // Экон. ист. обозрение. Сер. 2. 1986. № 32. С. 283.

19 *Аткинсон Д.* Конец земельной коммуны в России, 1905–1930. Стенфорд, 1983. С. 193. В.В. Осинский, ответственный за внедрение системы биологических урожаев, был связан с планами, составлявшимися в конце эпохи военного коммунизма, об установлении широкого государственного контроля над сельскохозяйственной продукцией (см.: *Малль С.* Экономическая организация военного коммунизма, 1918–1921. Кембридж, 1985. С. 446–448. Об изменениях в системе см.: Материалы для баланса советской национальной экономики 1928–1930 гг. / Под ред. С.Г. Уиткрофта, Р.У. Дэвиса. Кембридж, 1985. С. 294; *Каган А.* Советская статистика сельскохозяйственного урожая: Советское сельское хозяйство и крестьянство / Под ред. Р. Д. Лэрда. Лоуренс, 1963. С. 141. Данные о молотьбе должны быть

использованы для оценки производительности труда колхозников и соответственно их вознаграждения по трудодням (см.: Известия. 1932. 11 февр.).

20 *Зеленин И.Е.* Основные показатели... С. 464; также см.: *Уиткрофт С., Дэвис Р.У.* Материалы... С. 294; *Мошков Ю.* Зерновая проблема... С. 226. О двух этих разных оценках см. также: *Дэвис Р.У.* Социалистическое наступление... С. 348–350. Об организационных и мотивационных трудностях см.: Дэвис Р.У. Советский колхоз. Кембридж, 1980. С. 139–140; *Слинько І.І.* Соціалістична перебудова и технічна реконструкція сільського господарства України (1927–1932 рр.). Київ, 1961. С. 260. О снижении количества продовольствия в городах см.: *Барбер Дж.* Уровень жизни советских рабочих, 1928–1941 // Индустриализация в СССР... С. 110–113 и далее.

21 Описание Шиллера, касающееся видов статистики, см. в: Министерство иностранных дел и голод: Британские документы о положении на Украине и великом голоде 1932–1933 гг. Кингстон; Онтарио; Вестал; Нью-Йорк, 1988. С. 71. Цитата взята из: *Schiller O.* Die Wirtschaftspolitik der Sowjets und seine Ergebnisse. B., 1943. C. 118–119.

22 Глава сельскохозяйственного отдела Статистического управления, с которым Шиллер беседовал летом 1932 г., предсказывал, что в 1932 г. урожай будет немного лучше, чем в 1931 г.; причем урожаи на Украине и Северном Кавказе будут ниже, чем в Поволжье, Центрально-Черноземном районе и на Урале. Близкое соответствие этих предсказаний с официально опубликованными цифрами можно рассматривать как еще одно свидетельство того, что последние основывались на преджатвенных оценках (Министерство иностранных дел и голод. С. 167).

23 Оценка, данная украинским Зернотрестом и Тракторoцентром, – 845,4 млн пудов.

24 *Голубничий В.* Причини голоду 1932–1933 року // Вперед. Мюнхен, 1958. № 10. С. 6–7; англ. пер. в: Мета. 1979. № 2. С. 22–25. (оттуда и взята цитата).

25 Голубничий считает, что в результате хлебозаготовительной кампании 1932–1933 гг. у сельского населения Украины осталось всего по 83 кг зерна на душу населения. Если принять оценки Голубничего, что в начале 1933 г. на Украине было 4,5 млн крестьянских хозяйств и что урожай сократился на 40% (с 14 до 8,4 млн т, из которых 4,7 млн было отобрано), то должно было остаться 3,7 млн т и крестьянский двор должен был иметь в среднем 813 кг, или 162 кг на душу при среднем количестве пять едоков.

26 *Данилов В.П.* Коллективизация: как это было // Страницы истории КПСС: Факты, проблемы, уроки / Под ред. В.И. Купцова. М., 1988. С. 341 (первоначально: Правда. 1988 г. 16 сентября); *Ханин Г.,*

Селюнин В. Лукавая цифра // Новый мир. 1987. № 2. С. 189; *Кульчицький С.* До оцінки… С. 24 (ссылки на украинские государственные архивы).

27 См.: *Ежов А.И.* Государственная статистика, ее развитие и организация // История советской государственной статистики: Сб. ст. / Под ред. А.И. Ежова. М., 1960. С. 62.

28 Об уставе 1930 г. см.: Коллективизация сельского хозяйства: Важнейшие постановления коммунистической партии и советского правительства, 1927–1935. М., 1957. С. 282–287; *Звавич В.И.* Материалы разработки годовых отчетов колхозов за 1932–1937 гг. как источник по истории советского крестьянства: Дис. … канд. ист. наук. М., 1987. С. 37–38. О проблемах МТС см.: *Миллер Р.Ф.* Сто тысяч тракторов. Кембридж, 1970; *Торнили Д.* Подъем и падение советских деревенских коммунистических организаций, 1927–1939. Лондон, 1988.

29 См.: *Звавич В.И.* Материалы разработки… С. 40–41; *Он же.* Годовые отчеты колхозов и их значение как массового исторического источника: Массовые источники по социально-экономической истории советского общества / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1979. С. 325, 342. Сводные таблицы о годовых отчетах колхозов за 1932 г. можно найти в материалах Наркомзема (см.: Таблицы данных о состоянии колхозов в 1932 г. по материалам годовых отчетов // РГАЭ. Ф. 7483. Оп. 3. Д. 4456). Динамические обследования – в статистическом справочнике материалов ЦСУ: Динамика хозяйственного состояния колхозов за 1932 и 1933 гг. // РГАЭ. Ф. 1652. Оп. 77. Д. 70. Этот справочник, изданный для внутреннего пользования, с грифом «Не подлежит оглашению», может быть одним из статистических источников высокого уровня, о которых говорил Шиллер. Данные динамических обследований были опубликованы в завуалированном виде в 30-е годы. Об этом опубликованном источнике см.: *Зеленин И.Е.* Динамические обследования колхозов за 1933–1934 гг. // Источниковедение истории советского общества / Под ред. Д.А. Чугаева. М., 1968. Т. 2. С. 339–341.

Еще один справочник ЦУНХУ для внутреннего пользования – «Колхозы в 1932 г.» использовал данные годовых отчетов (см.: *Зеленин И.Е.* Динамические обследования…). Зеленин брал данные о колхозных урожаях из этого источника, готовя материал для «Истории советского крестьянства» (Т. 2. С. 256). Эти данные не совпадают с данными по Советскому Союзу и РСФСР, а данные по отдельным регионам сравниваются: общие цифры по Советскому Союзу и РСФСР совпадают с высокими официальными цифрами, а данные по регионам совпадают с более низкими данными материалов НКЗ. Для сравнения общих и региональных цифр по этому источнику взвешенный урожай по Советскому Союзу можно исчислить по ре-

гиональным урожаям и официальным данным о количестве посевных площадей в колхозах. Данные по регионам, не включенным в опубликованные материалы ЦУНХУ, вносились в соответствие с официальными цифрами; взвешенный урожай, таким образом, должен быть больше того, который мог получиться по цифрам (как правило, более низким) годовых отчетов, если бы они были получены. По этим вычислениям региональные урожаи – это средний колхозный урожай по Советскому Союзу (5,65 ц), что намного ниже общей цифры в 6,8 ц, опубликованной тогда же, но согласуется с данными НКЗ. Разница между средним урожаем 5,65 и цифрой из материалов НКЗ в 5,4 отчасти отображает тот факт, что официальные данные по регионам, не включенным в опубликованные материалы, – это предварительные оценки.

30 О недоборе урожая в современном советском сельском хозяйстве см.: *Медведев Ж.* Советское сельское хозяйство. Нью-Йорк, 1987. С. 291–292. Даже в Соединенных Штатах в 30-е годы посеянное отчасти пропадало (см.: Департамент сельского хозяйства Соединенных Штатов: Ежегодник сельского хозяйства, 1935. Вашингтон, 1935. С. 351–352).

31 Четыре региона, цифры по которым занижены, – это, судя по доступным данным, Татарская АССР, Узбекистан, Западно-Сибирский и Северный края.

32 Посылка, что власти не делали уступок, – стандартное средство доказательства.

33 Сельское хозяйство от VI к VII съезду Советов. М., 1935. С. 33. Этот справочник представлял оценки биологических урожаев за 1933 г., что может привести к выводу, будто эти таблицы отражают разницу между биологическими цифрами за 1933 г. и собранным урожаем 1932 г. Тем не менее справочник постоянно подчеркивает разницу между валовым и собранным урожаем и использует первый при ссылках на оценки биологических урожаев.

34 *Мошков Ю.* Зерновая проблема... С. 211–212; Огонек. 1987. № 51; Правда. 1933. 22 авг.

35 О миграции крестьян см.: *Кульчицький С.В.* Указ. соч. С. 15; История советского крестьянства. Т. 2. С. 196–198. О продовольственном кризисе см.: *Файнсод М.* Смоленск при советской власти. Нью-Йорк, 1963. С. 259–264. Этот регион часто приводят как доказательство слабости советской власти в деревне (см.: *Гетти Дж. А.* Источники крупных чисток. Кембридж, 1983; *Меннинг Р.* Власть в советской деревне в сталинские тридцатые годы: Случай Белого Района. Питтсбург, 1983; *Чугунов Т.К.* Деревня на Голгофе. Мюнхен, 1968. С. 118–125; *Пидгайный С.О.* Черные дела... С. 665–666).

36 *Зеленин И.Е.* Зерновые совхозы Дона и Северного Кавказа в годы второй пятилетки (1933–1937) // История СССР. 1958. № 2. С. 51;

Слинько І.І. Соціалістична перебудова... С. 298; Сельское хозяйство СССР: Ежегодник, 1935. М., 1936. С. 270–272.

37 Сельское хозяйство от VI к VII съезду Советов. С. 65; *Слинько І.І.* Соціалістична перебудова... С. 298.

38 Совхозные урожаи исчислялись на основе зерновых балансов, но неясно, как и когда были исчислены таковые, см.: *Уиткрофт С.Г., Дэвис Р.У.* Материалы... С. 294. Похоже, что в совхозах использовалась система, позволяющая начислять повышенный продналог на основе предзаявленных оценок.

39 Хаос и тяжелые политические условия 1932 г. могли помешать сбору данных о производстве зерна по всем секторам. Система биологических урожаев могла быть введена в 1933 г. для получения центральными властями более полных и достоверных данных о производстве. Такое предположение высказывает Уиткрофт.

40 Подобные утверждения вызывают сомнение не только из-за значительного количества доказательств, что урожай был бедным, но также из-за того, что предполагают добросовестный труд крестьян во время уборки урожая.

41 *Зеленин И.Е.* Политотделы МТС (1933–1934 гг.) // Ист. зап. 1965. № 76. С. 47.

42 Университет Гарвард, Центр русских исследований, Проект советской социальной системы, таблица (или график) А: Исторические документы о частной жизни. Кембридж, 1951. Случай 379. С. 20–21: *Каревский Ф.А.* Социалистическое преобразование сельского хозяйства Среднего Поволжья. Куйбышев, 1975. С. 145–146; *Алексеев М.* Сеятель и хранитель // Наш современник. 1972. № 9. С. 96; Служба общественных архивов Объединенного Королевства. Министерство иностранных дел (далее: ПРО ФО). 371 746 113/38. 1933. 31 янв.: Кэрнса послало Рыночное правление Британской империи для оценки перспектив производства зерна в Советском Союзе; его обстоятельные отчеты, недавно опубликованные, являются чрезвычайно ценными источниками об условиях в сельском хозяйстве и жизни деревни в начале 30-х годов.

43 См., например, комментарии в ПРО ФО 371/16335 № 3060(1179) 38, который указывает: несмотря на то что у крестьян в 1931 г. забрали больше зерна, чем в 1930 г., «снабжение городов, хотя и не Москвы, кажется, ухудшилось». Вместе с тем, по другим источникам, и Москву не обошла нехватка продовольствия.

44 *Лоример Ф.* Население Советского Союза... С. 150. *Мошков Ю.* Зерновая проблема ... С. 126, 129, 134; *Нейман Г.Я.* Внутренняя торговля СССР. М., 1935. С. 176.

45 *Мошков Ю.* Зерновая проблема... С. 127–134; *Дэвис Р.У.* Коллективизация советского сельского хозяйства... С. 361; ПРО ФО 371 16322 № 3057 38/38. 1932. 4 мая; сообщения Кэрнса: Н 4398(38)38.

1932. 18 июля; сообщение посла Эсмонда Ови: Министерство иностранных дел и голод... С. 31–32, 39–40, 105–112; *Пидгайный С.О.* Черные дела... С. 332.

46 *Гордон М.* Рабочие до и после Ленина. Нью-Йорк, 1941. С. 151–152; Фильцер Д. Советские рабочие и сталинская индустриализация. Нью-Йорк, 1986. Гл. 2; *Рассвейлер Э.* Поколение власти. Нью-Йорк, 1988. С. 152–153; советские данные о миграции населения даны в: ПРО ФО 371 19454 № 4110/45/38; *Либих А.* Русские меньшевики и голод // Голод на Украине... С. 101–102 (Либих доказывает, что голод в 1933 г. имел место как в деревне, так и в городе). Система внутренних паспортов введена серией декретов в декабре 1932 и начале 1933 гг.

47 *Хиндус М.* Великое наступление. Нью-Йорк, 1933. С. 23–24; *Либих А.* Русские меньшевики и голод. С. 101–102; см.: *Пидгайный С.О.* Черные дела... С. 332 (о нехватке продовольствия в Киеве). О дополнительных сообщениях оппозиции и зарубежной прессы см.: *Куромийя Х.* Индустриальная революция Сталина: Политика и рабочие. Кембридж, 1988. С. 304.

48 *Нейман Г.Я.* Внутренняя торговля СССР. С. 258; *Малафеев А.Н.* История ценообразования в СССР (1917–1963). М., 1964. С. 172, 193–195. О попытке снизить цены за счет конкуренции на рынке см.: Куромийя Х. Индустриальная революция Сталина. С. 304–305, а также: *Малафеев А.Н.* Указ. соч. С. 195.

49 *Максудов С.* География голода 1933 года // СССР: внутренние противоречия. 1983. № 7. С. 5–17; *Он же.* Демографические потери на Украине 1927–1938 гг. // Голод на Украине... С. 27–43.

50 *Николаевский Б.* Власть и советская элита. Нью-Йорк, 1965. С. 28; *Шимотомаи Н.* Записки о кубанской проблеме (1932–1933) // Akta Slavika laponica. 1983. I. P. 39–56.

51 О сокращении экспорта см.: *Доан М.* Экономические причины советской аутархии 1927/28–1934 // Слав. обозрение. 1976. Дек. С. 625–626; *Касьяненко В.И.* Как была завоевана технико-экономическая самостоятельность СССР. М., 1964. С. 180; *Кульницький С.В.* До оцінки... С. 23 (о том, что экспорт снизился во второй половине 1932 г.; источник, на который он ссылается: Внешняя торговля СССР за 1928–1940: Стат. обзор. М., 1961. С. 144, состоит исключительно из статистических таблиц и не содержит оснований для такого заявления. Может быть, он имеет в виду экспорт с Украины. Экспортную статистику по 1930–1933 гг. см.: Внешняя торговля... С. 144. Р.У. Дэвис был так любезен, что снабдил меня данными об экспорте по полугодиям (общими цифрами), взятыми из ежемесячника «Внешняя торговля Союза ССР».

52 По мнению торгового советника посольства Великобритании в Москве, высказанному в конце 1931 г., «невыполнение (советским пра-

вительством) своих обязательств непременно вызовет катастрофические последствия. Не только будет отказано в дальнейших кредитах, но и весь будущий экспорт, все заходы советских кораблей в иностранные порты, вся советская собственность, уже находящаяся за границей, – все это может быть подвергнуто конфискации для покрытия задолженностей. Признание финансовой несостоятельности поставит под угрозу исполнение всех надежд, связанных с пятилетним планом, и даже может создать опасность для существования самого правительства» (ПРО ФО 371 15607 № 7648(167)38,6–7). Канцлер Германии Бренинг говорил английскому дипломату в Берлине в начале 1932 г., что, если Советы «не расплатятся по счетам в той или иной форме, их кредит будет уничтожен навсегда» (ПРО ФО 16327 № 456(158)38). Доан указывает, что основные кредиторы страны начали сворачивать предложения кредитов Советскому Союзу в 1931–1932 гг., несмотря на усилия СССР расплатиться (Происхождение экономической аутархии... С. 630). О том, как Запад откликнулся на голод, см.: Каринник М. Глаза, не видящие убийства: Великобритания, Соединенные Штаты и голод на Украине в 1933 г. // Голод на Украине... С. 109–138.

53 См.: Правда. 1933. 25 февр. – о поставке посевного зерна в долг; *Кульчицький С.В.* До оцінки... С. 24–25 – об облегчении, происшедшем на Украине; Поволжская правда. 1933. 21 марта – о помощи семенами районам Нижней Волги. И Конквест, и Мэйс признают, что какие-то меры все же принимались (Урожай скорби... С. 262; Расследование...С. 65). Конквест (Урожай скорби... С. 241) утверждает, помощь эта стала доступной только позже, после того как голод начал идти на убыль; но Кульчицкий показывает (До оцінки... С. 24), приводя данные украинских архивов, что помощь продовольствием действительно была оказана в соответствии с телеграфным приказом до того, как вышло постановление об этом. 16 февраля 1932 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О сборе колхозных семенных фондов по Союзу ССР и о мерах семенной и продовольственной помощи районам, пострадавшим от засухи». См. также: Справочник партийного работника. Вып. 9. С. 1212; *Мошков Ю.* Зерновая проблема... С. 188; *Слинько І.І.* Соціалістична перебудова... С. 293. О неурожае 1936 г. см.: *Меннинг Р.* Власть в советской деревне... С. 4 (власти урезали экспорт продовольствия и фуража в начале 1937 г.).

Н. А. Ивницкий

ГОЛОД 1932–1933 годов: КТО ВИНОВАТ?

Принудительная коллективизация и неразрывно связанная с ней так называемая ликвидация кулачества как класса, в результате которой наиболее дееспособный и трудолюбивый слой крестьянства был экспроприирован и значительная часть его депортирована, привели к падению сельскохозяйственного производства. В результате этого и антикрестьянской хлебозаготовительной политики сталинского руководства осенью 1932 – весной 1933 г. в стране разразился невиданный голод.

О голоде 1932–1933 гг., пожалуй, впервые в советской литературе было сказано в 1940 г. В сборнике статей, вышедшем в связи с 60-летием И.В. Сталина, М.А. Шолохов писал, что под видом борьбы с саботажем у колхозников был изъят весь хлеб, в том числе и выданный авансом на трудодни, в результате чего «в колхозах начался голод». Правда, вина за это возлагалась не на центральное, а на краевое руководство Северного Кавказа[1].

В том же 1940 г., 9 сентября, Сталин на совещании в связи с обсуждением кинофильма «Закон жизни» А. Авдеенко вынужден был признать, что «у нас, например, миллионов 25–30 голодало, хлеба не хватало, а вот теперь стали жить хорошо»[2]. Но ни причин голода, ни его виновников он не назвал, а его речь в печати не публиковалась.

Кто же виноват в голоде и гибели миллионов людей в 1932–1933 гг.?

В статье М. Таугера (США), публикуемой в настоящем сборнике, анализируются объективные причины снижения валового сбора зерновых в 1932 г. (засуха в ряде районов, распространение болезней зерновых и т.п.) и делается вывод, что в 1932 г. было собрано зерна примерно на 100 млн ц меньше, чем значится в официальных данных. Не оспаривая подсчетов автора по существу, следует заметить, что даже собранного хлеба хватило бы, чтобы избежать массового голода, если бы хлебозаготовительная политика проводилась иначе.

В самом деле, при исчислении валовых сборов в 1931 и 1932 гг. в основу расчетов бралась биологическая (видовая) урожайность, а не фактиче-

---

Ивницкий Николай Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

ски собранное зерно. Но если в 1932 г., как утверждает автор, было собрано намного меньше зерна, чем официально значится, то, видимо, и в 1931 г. было аналогичное положение. Однако в 1931 г. такого страшного голода, как в 1932/33 году, не было. Видимо, дело не только и, может быть, не столько в урожае, сколько в политике заготовок 1932 г. Действительно, еще в 1929 г., когда Н.И. Бухарин и его сторонники предлагали во избежание применения чрезвычайных мер ввоз хлеба из-за рубежа как «временную меру в наиболее тяжкие с точки зрения продовольственного кризиса месяцы», сталинское большинство в ЦК ВКП(б) решительно отвергло это предложение. В этой связи И.В. Сталин писал секретарю Сибирского крайкома ВКП(б) С.И. Сырцову и председателю крайисполкома Р.И. Эйхе: «Мы не можем ввозить хлеб, ибо валюты мало. Мы все равно не ввезли бы хлеба, если бы даже была валюта, так как ввоз хлеба подрывает наш кредит за границей и усугубляет трудности нашего международного положения. Поэтому надо обойтись без ввоза хлеба во что бы то ни стало. А сделать это невозможно без усиления хлебозаготовок».

Своего отношения к этому вопросу Сталин не изменил и в 1932 г., когда в стране начался голод. Более того, в то время как миллионы людей голодали и умирали, советское руководство не только отказалось от ввоза хлеба, но и вывозило зерно, чтобы не «подорвать кредит за границей» и не «усугублять трудности международного положения». О голоде в СССР запрещалось даже упоминать. Поистине это был «совершенно секретный голод»!

Еще в апреле 1930 г. были установлены нормы сдачи зерна колхозами в размере от 1/4 до 1/3 валового сбора в основных зерновых районах и примерно 1/8 в остальных зерновых районах. Фактически изымалось значительно больше. Так, на Украине в 1930 г. было изъято 30,2% валового сбора зерновых, а в 1931 г. – 41,3, на Северном Кавказе – 34,2 и 38,3, на Нижней Волге – 41,0 и 40,1, в Крыму – 32,7 и 41,7, на Средней Волге – 38,6 и 32,3, в Западной Сибири – 26,5 и 29,3, Казахстане – 33,1 и 39,5 %. В среднем по этим же районам в 1930 г. процент изъятия составлял 31,5, а в 1931 г. – 37,0. В целом же по всем зерновым районам СССР в 1930 г. было изъято 28,2%, в 1931 г. – 32,4%. Даже в потребляющих районах изымался хлеб: в Московской области в 1930 г. – 14,5%, в 1931 г. – 20,0, Нижегородском крае – 10,5 и 14,8, Ленинградской области – 8,8 и 9,9, Западной области – 7,9 и 9,8, Иваново-Вознесенской – 7,4 и 10,0%.

В связи с этим А.И. Микоян в записке И.В. Сталину предложил повысить в 1932 г. процент изъятия хлеба для зерновых районов до 30–40, в том числе для колхозов, обслуживающихся МТС, – до 35–45[3]. Это было принято. Несмотря на снижение валовых сборов зерна в 1931–1932 гг., планы заготовок росли: на Украине в 1932 г. заготовлено зерна (без совхозов) на 36,7% больше, чем в 1930 г., на Северном Кавказе – на 56,3, на Средней Волге – на 46,0, в ЦЧО – на 28,75%. В целом по СССР было заготовлено на 32,8% больше, чем в 1930 г.[4]

Разумеется, потребность в зерне и другой сельхозпродукции с каждым годом росла. Нужда в них была огромная, особенно если учесть, что чис-

ленность городского населения за четыре года, к 1932 г., выросла на 12,4 млн человек, не говоря уже о возросших потребностях промышленности в сельскохозяйственном сырье. Но для того чтобы увеличить производство зерна, необходимо было материально заинтересовать крестьян. Это мало волновало Сталина и его ближайшее окружение. На практике почти весь хлеб, произведенный крестьянами (колхозниками и единоличниками), изымался в счет хлебозаготовок.

В январе 1932 г. Сталин и Молотов в телеграмме С.В. Косиору, членам Политбюро ЦК КП(б) Украины и членам Политбюро ЦК ВКП(б) решительно потребовали безусловного выполнения планов хлебозаготовок: «Положение с хлебозаготовками на Украине считаем тревожным. На основании имеющихся в ЦК ВКП(б) данных работники Украины стихийно ориентируются на невыполнение плана на 70–80 млн пудов. Такую перспективу считаем неприемлемой и нетерпимой.

Считаем позором, что Украина в этом году при более высоком уровне коллективизации и большем количестве совхозов заготовила на 1 января сего года на 20 млн пудов меньше, чем в прошлом году. Кто тут виноват: высший уровень коллективизации или низший уровень руководства делом заготовок?

Считаем необходимым Ваш немедленный приезд в Харьков и взятие Вами в собственные руки всего дела хлебозаготовок. План должен быть выполнен полностью и безусловно. Решение Пленума ЦК ВКП(б) должно быть выполнено»[5].

Из телеграммы видно, что Сталин и Молотов ставили хлебозаготовки в непосредственную связь с коллективизацией, хотя года два назад Сталин отрицал, что колхозы создаются для решения зерновой проблемы. Он говорил, что для этого достаточно частичной коллективизации и что колхозы организуются для решения вопросов социалистического строительства в деревне.

Ссылаясь на высказывания В.И. Ленина о необходимости учитывать материальную заинтересованность крестьян, Сталин на практике игнорировал это указание, что проявилось, в частности, и при планировании хлебозаготовок.

В январе 1932 г. председатель Центральной контрольной комиссии ВКП(б) и нарком рабоче-крестьянской инспекции (ЦКК-РКИ) Я.Э. Рудзутак в записке Сталину предлагал в числе других вопросов колхозного строительства (улучшение организации труда, внедрение сдельщины, создание постоянных бригад в колхозах) пересмотреть систему планирования хлебозаготовок. «Планы, – писал Рудзутак, – надо давать в начале хозяйственного года, чтобы колхоз имел возможность планировать продажу на рынке части продукции после выполнения государственного задания. По некоторым продуктам (фрукты, овощи и др.) – централизованные планы свести до минимума»[6].

Об этом же говорилось и в шифровке Косиора Сталину (15 марта 1932 г.). Он предлагал: «Объявить от имени союзных организаций о поряд-

ке хлебозаготовок из будущего урожая, исходя из того, что чем большего урожая добьется колхоз и колхозник, тем больший фонд должен быть выделен и распределен на личное потребление». Однако Политбюро ЦК 16 марта отклонило это предложение[7].

Между тем полным ходом шла конфискация хлеба у крестьян. Так, бригада газеты «Правда» еще 10 февраля направила Сталину, Кагановичу, Постышеву письмо о хлебозаготовках в Молдавии. В письме сообщалось, что в ходе хлебозаготовительной кампании производятся повальные обыски у колхозников и единоличников и в случае обнаружения зерна крестьянина объявляют «*твердозаданцем*» и забирают у него все имущество. Имеются случаи избиения крестьян (иногда с увечьем), производятся незаконные аресты и т.д. В результате этого крестьяне бегут за границу, особенно из пограничных с Румынией районов. Сталин разослал письмо членам Политбюро ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Украины «для сведения». Правда, Политбюро ЦК КП(б) Украины 29 февраля 1932 г. приняло специальное постановление о перегибах в Молдавии, в котором подчеркивалось, что эти перегибы «являются обратной стороной *правооппортунистических* настроений в партийном руководстве хлебозаготовительной кампанией». ЦК КП(б)У объявил выговор бюро Молдавского обкома партии, строгий выговор бывшему секретарю обкома Ильину, председателю СНК Молдавии Дмитриу и председателю ЦИК МАССР Вороновичу; предложил немедленно устроить «несколько показательных процессов»[8].

18 июня 1932 г. Сталин писал из Сочи Кагановичу и Молотову (для членов Политбюро ЦК) о том, что хотя ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление о некотором сокращении плана хлебозаготовок, но до села сниженный план доводить не надо; необходимо использовать разницу между первоначальным планом, который должнен выполняться на местах, и сокращенным планом «исключительно для стимулирования посевной работы». Сталин вынужден был признать, что главная ошибка хлебозаготовительной кампании 1931 г., особенно на Украине и Урале, – в том, что план хлебозаготовок был разверстан по районам и колхозам «механически без учета положения в каждом отдельном колхозе». «В результате этого... получилась вопиющая несообразность, в силу которой на Украине, несмотря на неплохой урожай, ряд урожайных районов оказался в состоянии *разорения и голода*, а на Урале обком лишил себя возможности оказать помощь неурожайным районам за счет урожайных районов области».

Дабы не «повторять ошибок истекшего года», Сталин предложил... «допустить надбавку к плану в 4–5%, чтобы создать тем самым возможность перекрытия неизбежных ошибок в учете и выполнить самый план *во что бы то ни стало*».

Для обсуждения вопросов хлебозаготовительной кампании 1932 г. Сталин предложил не позднее 26–27 июня созвать совещание секретарей партии и председателей исполкомов Советов (Совнаркомов) Украины, Северного Кавказа, ЦЧО, Нижней и Средней Волги, Урала, Казахстана, Запад-

ной Сибири, а также Белоруссии, Московской, Западной областей, Нижегородского края, Татарии и Башкирии «по вопросам организации хлебозаготовок и безусловному выполнению плана хлебозаготовок»[9]. На основе письма Сталина и совещания 7 июля 1932 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об организации хлебозаготовительной кампании 1932 г.».

Находясь на отдыхе в Сочи, Сталин вновь возвращается к хлебозаготовкам и 24 июля в письме Кагановичу и Молотову подтверждает свою установку «на безусловное выполнение плана хлебозаготовок по СССР». Однако, учитывая особое положение Украины, он считает, что «придется сделать исключение для особо пострадавших районов Украины. Это необходимо не только с точки зрения справедливости, но и ввиду особого положения Украины, общей границы с Польшей и т.п.»[10]. Но план был настолько нереальный, что даже после некоторого снижения его не смогли выполнить.

Не довольствуясь прямым поступлением зерна по хлебозаготовкам, Сталин 15 августа в телеграмме Кагановичу из Сочи выражает недовольство тем, что государство «тратит сотни миллионов рублей на организацию МТС для обслуживания колхозов, а оно все еще не знает, сколько же платит ему крестьянство за услуги МТС». Поэтому он предлагает выяснить, убыточны ли МТС или прибыльны, «сколько хлеба и других продуктов получает государство от колхозов за работу МТС». «Без этого МТС из государственных предприятий, отчитывающихся перед государством, превратятся в богадельни или в средство для систематического обмана государства. Нельзя допустить, чтобы МТС работали бесконтрольно»[11]. Одним словом, Сталин стремился любыми путями выкачать хлеб (как, впрочем, и деньги) из деревни.

Нажим на крестьян начал проводиться сразу же в ходе уборки урожая. Однако колхозники, и в особенности единоличники, заняли выжидательную позицию, не спешили сдавать хлеб. Б.П. Шеболдаев (Северный Кавказ) 14 августа 1932 г. сообщал Сталину, что, «несмотря на массовую работу по хлебозаготовкам, в единоличном секторе встречаются большое сопротивление и прямой отказ от выполнения плана». Поэтому он просил ЦК санкционировать следующие меры:

а) проводить совместный обмолот с единоличниками под контролем Совета;

б) лишать невыполняющих план права покупки промышленных товаров;

в) привлекать к судебной ответственности по ст. 61 Уголовного кодекса за невыполнение плана хлебозаготовок.

Не прошло и недели, как 20 августа Шеболдаев вновь обращается к Сталину, но уже в связи с отношением колхозников к хлебозаготовкам. Он пишет, что колхозники «работают это лето лучше прошлого года, но имеется обостренная настороженность в отношении к хлебозаготовкам». Основное недовольство колхозников шло по линии «критики нашего плохого

руководства сельским хозяйством», напряженности работ, «против администрирования». Почти повсеместно крестьяне открыто говорят о том, что Северный Кавказ ожидает то, что произошло на Украине (голод). В этих условиях районное руководство отказывается доводить до колхоза план хлебозаготовок ввиду его напряженности – не остается зерна ни на фураж, ни на продовольствие. Поэтому Шеболдаев просит снизить план и заменить сдаваемую пшеницу (5 млн пудов) на рожь и кукурузу[12]. Сталин 22 августа ответил Шеболдаеву: «Вашу записку получил и отослал в ЦК. Поддержать Вас не могу в связи с плохой работой края по хлебозаготовкам. Если пережившая засуху Средняя Волга сдала в третьей пятидневке 4 млн пудов, а Ваш край не сдал и 2-х, то это значит, что крайком сдрейфил перед трудностями и сдал позиции апостолам самотека либо крайком дипломатничает и старается ЦК вести за нос. Согласитесь, что я не могу поддержать в такого рода работе»[13].

Правда, Политбюро ЦК ВКП(б) по письмам Б.П. Шеболдаева от 14 и 20 августа приняло постановление, которым разрешалось заменить пшеницу (5 млн пудов) рожью и кукурузой и санкционировалось применение ст. 61 УК РСФСР и лишение единоличников, не выполнивших план хлебозаготовок, права на приобретение промтоваров[14]. Что касается просьбы крайкома снизить план хлебозаготовок зерна, то Политбюро ее отклонило как явно неправильную, свидетельствующую о «пессимистическом отношении к выполнению плана», «демобилизующую» парторганизацию, и потребовало «принять меры по обеспечению плана хлебозаготовок»[15].

Подчиняясь решению Политбюро, крайком 21 августа 1932 г. в телеграмме сельским райкомам ВКП(б) категорически потребовал выполнения хлебозаготовительного плана и применения репрессий к тем работникам, которые не обеспечивают выполнения заданий по хлебозаготовкам. В другой телеграмме давалось указание применять репрессии и к единоличникам, не выполнявшим план хлебозаготовок. Тем не менее план хлебозаготовок на август был выполнен лишь на 32%, сентябрьский – на 65, а к 20 октября в крае было заготовлено 18% месячного задания[16].

Сведения о невыполнении планов хлебозаготовок поступали с Украины, Нижней Волги, из других районов страны. Это встревожило сталинское партийно-государственное руководство. 22 октября 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение: «В целях усиления хлебозаготовок командировать на две декады полномочные комиссии под руководством В.М. Молотова на Украину и под руководством Л.М. Кагановича – в Северо-Кавказский край»[17].

Комиссии Политбюро не случайно были посланы на Украину и Северный Кавказ, так как на эти регионы приходилась почти половина заготавливаемого в зерновых районах хлеба.

В состав комиссии ЦК во главе с Л.М. Кагановичем вошли А.И. Микоян (Наркомат снабжения), М.А. Чернов (Комитет заготовок), Т.А. Юркин (Наркомат совхозов), Я.Б. Гамарник (Политуправление Красной

Армии), М.Ф. Шкирятов (ЦКК ВКП(б)), Г.Г. Ягода (ОГПУ), А.В. Косарев (ЦК ВЛКСМ).

2 ноября комиссия Кагановича прибыла в Ростов-на-Дону. В тот же день было созвано совещание секретарей сельских райкомов партии, а 4 ноября – совещание директоров совхозов края. Тогда же состоялось заседание бюро крайкома ВКП(б) с участием членов комиссии ЦК. В постановлении «О ходе хлебозаготовок и сева на Кубани», принятом 4 ноября Северо-Кавказским крайкомом партии, говорилось: «Ввиду особо позорного провала плана хлебозаготовок и озимого сева на Кубани поставить перед парторганизацией в районах Кубани боевую задачу – сломить саботаж хлебозаготовок села и сева, организованный кулацким контрреволюционным элементом, уничтожить сопротивление части сельских коммунистов, ставших фактическими проводниками саботажа, и ликвидировать несовместимую со званием члена партии пассивность и примиренчество к саботажникам.

Обеспечить быстрое нарастание темпов, полное и безусловное выполнение плана хлебозаготовок, тем самым добиваясь сплочения партийных рядов и укрепления колхозов». Далее следовали суровые меры воздействия на «саботажников»: были занесены на «черную доску» станицы – Ново-Рождественская (Тихорецкий район), Медведовская (Тимашевский район), Темиргоевская (Курганинский район). К ним применялись следующие меры:

а) немедленно прекращался завоз товаров, прекращалась государственная и кооперативная торговля и вывозились все товары;

б) запрещалась колхозная торговля как для колхозов, так и для колхозников и единоличников;

в) прекращалось всякое кредитование и досрочно взыскивались кредиты;

г) предлагалось произвести проверку и чистку «всякого рода чуждых элементов»;

д) ОГПУ поручалось «изъятие контрреволюционных элементов».

Но этого комиссии казалось мало, чтобы «сломить саботаж», и в постановлении крайкома записано: «Поставить перед этими станицами, что в случае продолжения саботажа будет поставлен вопрос о выселении их в северные области».

Не ограничиваясь мерами против трех кубанских станиц, крайком по предложению комиссии Кагановича «в качестве последнего предупреждения» запретил завозить товары в десять «отстающих районов» (Невинномысский, Славянский, Усть-Лабинский, Брюховецкий и др.), а в отношении десяти других (Ейский, Краснодарский, Курганинский и др.) предложил не только прекратить завоз, но и вывезти оттуда все товары.

Что касается единоличников, которые отказывались от земли, так как не могли ни обрабатывать ее, ни платить непомерные налоги, то к ним применялась такая мера, как лишение приусадебных участков. Более того, перед правительством был поставлен вопрос о выселении крестьян в север-

ные области и передаче их орудий и средств производства колхозам. Рекомендовалось также применять к ним ст. 61 УК РСФСР (спекуляция).

В постановлении отмечалось также, что декрет от 7 августа 1932 г. слабо применяется, и предлагалось крайсуду и прокуратуре рассмотреть 20 дел и приговоры опубликовать в печати; к суду привлечь кладовщиков, счетоводов, скрывающих хлеб. Органы ОГПУ должны были усилить карательные меры.

В день принятия постановления оно было передано по телеграфу Сталину, который его отредактировал и написал резолюцию: «Опубликовать в местной печати»[18]. На следующий день, 5 ноября, оно было помещено в газете «Молот».

4 ноября 1932 г. Политбюро ВКП(б) приняло решение о проведении чистки сельских парторганизаций Северного Кавказа, и в первую очередь Кубани: «Чистка должна освободить партию от людей, чуждых делу коммунизма, проводящих кулацкую политику, разложившихся, не способных проводить политику партии в деревне. Вычищенных выслать как политически опасных»[19].

Л.М. Каганович и А.В. Косарев просили Политбюро ЦК санкционировать чистку комсомольских организаций Северного Кавказа. Только на Кубани в ноябре 1932 г. в результате чистки было исключено из партии 43% коммунистов и более 5 тыс. человек арестовано. Всего на Северном Кавказе аресту подверглось 15 тыс. человек[20].

21 ноября 1932 г. Каганович и Шеболдаев посылают Сталину постановление бюро Северо-Кавказского крайкома о выселении «саботажников» и просят его утвердить. Предлагалось «в двухдневный срок выселить 2 000 кулацко-зажиточных и единоличных хозяйств Кубани, отказывающихся от обработки земли и срывающих сев». Выселение проводилось из 45 станиц 14 районов Кубани; 1 000 хозяйств подлежали выселению в Северный край, 1 000 – на Урал.

Выселение производилось по каждой станице специальными тройками (председатель райисполкома, секретарь райкома и уполномоченный ОГПУ). Окончательное утверждение списков для выселения возлагалось на краевую тройку. «Кулацко-зажиточные» элементы были отнесены ко второй категории кулацких хозяйств, у них конфисковывались орудия и средства производства в пользу колхозов, а их самих высылали на Север[21]. Единоличники также выселялись, но не лишались гражданских прав. В отличие от первой группы выселяемых единоличники могли иметь запас продовольствия на три месяца, две головы мелкого скота, две штуки простейшего инвентаря, инструмент и вещи, но не свыше 70 пудов.

На Кубань вместо выселяемых вселялись хозяйства из засушливых районов Ставрополья (красноармейцы, переменный состав, сельские коммунисты и комсомольцы).

Политбюро ЦК ВКП(б) в тот же день, 21 ноября, утвердило постановление крайкома[22].

В декабре 1932 г. Б.П. Шеболдаев в справке в ЦК ВКП(б) о ходе хлебозаготовок и сева на Северном Кавказе сообщал, что к 5 декабря по всем

секторам заготовлено 80% годового плана. Достигнуто это в результате применения жестких (даже жестоких!) мер воздействия. Так, на Кубани 70–75% низовых руководящих работников получили взыскания; всего же около половины (47%) коммунистов, прошедших чистку, подверглись взысканиям. В крае исключено из партии 1 193 человека, в том числе в ноябре – 536 человек. Краевым судом и его выездными сессиями в течение ноября по декрету от 7 августа 1932 г. осуждено 949 человек, из них 175 приговорено к высшей мере (приговоры приведены в исполнение). Показательно, что среди осужденных было 125 человек, т.е. 15%, кулацко-зажиточных элементов или отнесенных к ним, остальные – колхозники и должностные лица.

Народным судом было осуждено в 68 районах края (из 83) 6 206 человек (половина из них по закону от 7 августа, другая – по ст. 61 УК РСФСР). По социальному положению кулаки составляли менее трети, остальные – колхозники и единоличники.

Шеболдаев просил Политбюро ЦК разрешить дополнительную высылку и переселение 5 тыс. семей; чистку колхозов от кулацких элементов (2-3%) с высылкой «наиболее злостных»; чистку колхозного, совхозного и кооперативного аппарата; предлагал командировать в дополнение к уже посланным в деревню в ноябре 1 500 еще 150 работников в МТС, райзо, совхозы и 50 работников районного масштаба в счет спецмобилизации ЦК ВКП(б).

14 декабря 1932 г., согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР, все жители станицы Полтавской, за исключением «действительно преданных Советской власти», выселялись в северные области. 23 декабря Политбюро приняло предложение Шеболдаева «о выселении 5 000 семейств, в том числе 2 000 из ст. Полтавской»[23].

К 19 декабря 1932 г. из 13 районов Кубани в Северный Казахстан были выселены 1 992 семьи (9 442 человека), а к 27 декабря, как сообщал Ягода Сталину, «операция по выселению станицы Полтавской» была закончена: 2 158 семей (9 187 человек, т.е. все население станицы) погрузили в пять эшелонов и отправили на Урал. Часть была осуждена и заключена в лагеря.

Интересный разговор с одним из заключенных, бывшим казаком, председателем колхоза, приводит А. Авдеенко в автобиографической повести «Отлучение». На вопрос писателя, за что тот попал на строительство канала Москва–Волга, казак ответил, что его обвинили в саботаже хлебозаготовок: «Преступно придерживал, сказали, валютное зерно, не хотел продавать государству по твердой цене, чтобы сбыть втихомолку на базаре. Сказали, что создавал дутые, обманные фонды, втрое больше, чем надо для прокорма людей и скотины. Сказали, что открыто восхваляю колхозы, а тайно, тихой сапой, создал в правлении контрреволюционное гнездо, „Колхозы без коммунистов". Читали статью товарища Сталина... извиняюсь, гражданина Сталина „О работе в деревне"? Все плохое из этой статьи

судья мне припечатал. Персонально! Старого кулака-зверюгу, с лошадиными зубами, с толстой шеей, всем видимого, плакатного кулака, как сказал гражданин Сталин, мы извели начисто. Теперь есть новый куркуль, „тихий", сладенький, почти святой. Вот и меня, когда я попал под горячую руку, зачислили в тихие и сладенькие...

Верно, я сдал не весь хлеб, не дотянул немного до сверхплановой нормы... Почему, спросите, не дотянул? Дорого дюже. Накладно. Колхозников без хлеба, а скот без кормов надо было оставить. Совесть не позволила морить людей голодом. Не саботажник я, а голова колхоза, доверенное лицо хлебороба... Вот так и загремел „непрозорливый" деревенский работник, незакаленный и переоцененный, как сказал гражданин Сталин. И теперь вот на лагерной наковальне перековываюсь, прозорливости набираюсь»[24].

Такие же репрессии проводились и на Украине по указанию комиссии Молотова. 5 ноября Молотов и секретарь ЦК КП(б) Украины Хатаевич дали директиву обкомам, требуя от них немедленных и решительных мер по выполнению декрета от 7 августа 1932 г. «с обязательным и быстрым проведением репрессий и беспощадной расправы с преступными элементами в правлениях колхозов»[25].

18 ноября 1932 г. ЦК КП(б) Украины при участии Молотова принял постановление «О мерах по усилению хлебозаготовок», которое предусматривало такие же драконовские меры воздействия на крестьян Украины, как и на Кубани (занесение на «черную доску» со всеми вытекающими из этого последствиями). На «черную доску» села заносились постановлением облисполкома. В постановлении особо подчеркивалось, что в период хлебозаготовок «вскрылось смыкание целых групп коммунистов и отдельных руководителей партячеек с кулачеством, петлюровщиной и т.п., что на деле превращает такого рода коммунистов и парторганизации в агентуру классового врага». Ввиду этого ЦК и ЦКК КП(б) Украины решили «немедленно произвести чистку ряда сельских парторганизаций, явно саботирующих выполнение плана хлебозаготовок и подрывающих доверие партии в рядах трудящихся». Чистка прежде всего должна была проводиться в Снегуровском и Фрунзенском районах Одесской области, Солонянском, Васильковском и Верхне-Лепетихском районах Днепропетровской области[26].

В отношении единоличников, не выполняющих план хлебозаготовок, предписывалось применять натуральные штрафы в виде установления дополнительных заданий по мясозаготовкам в размере 15-месячной нормы и годичной сдачи картофеля. Однако это не освобождало от хлебосдачи. Что касается кулаков, то к ним применялись репрессии, предусмотренные ст. 58 Уголовного кодекса (контрреволюционные преступления).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что решения, принятые на Северном Кавказе и Украине, а затем и в Поволжье, были очень схожи, а поскольку северокавказское постановление редактировал Сталин, то не исключено, что и украинское постановление принималось по его указанию. Хотя, конечно, взгляды и Кагановича и Молотова не противоречили установкам Сталина.

20 ноября 1932 г. Молотов из Геническа телеграфировал Косиору: «До сих пор в районах действует распоряжение о продаже всюду спичек, соли и керосина. Есть об этом телеграмма Бляхера от 9 ноября. Надо немедленно это отменить и проследить исполнение»[27]. Одновременно он пишет письмо в Чубаревку секретарю райкома партии Константинову и председателю райисполкома Булаве (копию посылает в обком Строганову и в облисполком Алексееву) по поводу усиления хлебозаготовок. Молотов считает, что для этого нужно следующее.

Во-первых, понять тактику классового врага в деревне, где «агенты кулачества забрались во многие колхозные щели и дырки и умело прикидываются „друзьями" колхозников, пролезая в правления, а иногда облюбовывая для себя посты счетоводов и завхозов, причем преступная „работа" этих примазавшихся к колхозам лжедрузей во многом облегчается оппортунистической слепотой и бесхарактерностью части коммунистов».

Во-вторых, направить острие политической работы «на раскрытие в колхозах всех и всяких хитростей и ухищрений агентуры и плетущихся за ней подпевал, изощряющихся в разного рода надувательствах честных колхозников и нашего рабоче-крестьянского государства путем растаскивания и расхищения колхозного общественного хлеба и открыть на все это глаза колхозников». Без этого, считает Молотов, нельзя обеспечить выполнение основных обязанностей перед государством, которые «должны быть поставлены сознательными колхозниками *выше других дел*».

В-третьих, не полагаться на агитационно-массовую работу хотя бы и с принятием в дополнение к ней большого числа постановлений о партийных взысканиях.

В-четвертых, сосредоточить внимание на практической работе по хлебозаготовкам, установив контроль за молотьбой, перевозкой и хранением зерна. Своевременно проводить меры экономического воздействия на колхозы, а также твердо проводить репрессивные меры в отношении «контрреволюционных саботажников хлебозаготовок»[28].

Как видим, намечена целая система мер нажима на колхозы и крестьянство для выполнения плана хлебозаготовок. Особенно решительно Молотов был настроен против единоличников. В середине ноября он пишет в Политбюро: «Единоличник нас здорово надувает (по всем заготовкам, по подписке на заем, на рынке и т.д.). На колхозы мы нажимаем, единоличник здорово выкручивается.

Предлагаю, помимо других мер, немедленно (еще в 1932 г.) провести закон *о спецналоге* для единоличников в размере 300 млн рублей. Разработать и провести это дело можно быстро. Тов. Гринько (нарком финансов. – *Н.И.*) с этим согласен.

В. Молотов»[29].

Политбюро ЦК ВКП(б) 16 ноября 1932 г. приняло предложение Молотова о введении в 1932 г. спецналога на единоличников. С того времени спецналог на единоличников вводился ежегодно, причем сумма его росла

из года в год, хотя численность единоличных крестьянских хозяйств неуклонно сокращалась.

Вообще нажим на единоличников усиливался повсеместно. Секретарь обкома ВКП(б) И.М. Варейкис в письме И.В. Сталину от 28 ноября 1932 г. сообщал, что единоличникам давали значительно большие планы хлебозаготовок, чем было установлено для областей. «В силу этого планы заготовок по единоличному сектору оказались значительно *преувеличенными* и основная масса незаготовленного хлеба находилась у единоличника, который оказывает бешеное сопротивление -- прячет хлеб в ямы, по соседям, разбазаривает и т.п.» Для выполнения плана хлебозаготовок направлено 12 тыс. колхозных бригад, не считая уполномоченных обкома и райкомов. Тем не менее «по единоличному сектору, а в некоторых районах и по колхозному план хлебозаготовок мы не выполним», писал Варейкис.

В связи с решением ЦК ВКП(б) об особых мерах, принятых по хлебозаготовкам на Кубани, обком ЦЧО также принял «ряд мер по очистке колхозов и усилению борьбы с рваческими кулацкими элементами». Однако Варейкис считал, что было бы ошибкой переносить проведение таких мер в ЦЧО, так как здесь иное положение – подавляющая часть колхозов план хлебозаготовок уже выполнила. Поэтому «главная задача сейчас – правильно и умело подойти к колхозу, знать его хозяйство, быть в курсе того, что делается в колхозе, а не проводить механически те или иные меры или решения по всем колхозам, не выполнившим план хлебозаготовок».

На письме Варейкиса – резолюция: «Молотову, Кагановичу (лично). Просьба прочесть. И. Сталин»[30].

Весной 1933 г. в южных районах ЦЧО начался голод.

Об отношении Кагановича к хлебозаготовкам красноречиво свидетельствует его деятельность на Северном Кавказе. Что касается Молотова, то небезынтересно привести полемику между ним и секретарем ЦК КП(б) Украины М.М. Хатаевичем.

Хатаевич в подготовленной к печати брошюре писал, что заготавливать нужно только товарный хлеб, а не хлеб вообще. Это вызвало резкую критику со стороны Молотова, который считал, что хлеб нужно взять из деревни любой ценой и в первую очередь. В связи с этим Хатаевич в письме Молотову в середине ноября 1932 г. писал: «Я согласен, что в нынешних условиях, условиях борьбы за хлеб на Украине в текущем году, было с моей стороны неправильно оставлять в брошюре подобное место, ибо, чтобы накормить теперь, немедленно рабочий класс и Красную Армию, *нам придется брать любой хлеб в колхозах и где угодно, не считаясь с тем, товарный он или нетоварный* (курсив наш. – *Н.И.*).

Но если ставить вопрос о хлебозаготовках вообще, то я продолжаю считать формулировку, данную мною на странице 7 брошюры, правильной. Я считаю, что мы должны заготовлять в колхозах товарный хлеб, а не хлеб вообще. Борьба за хлеб должна иметь в виду не только получение того хлеба, который уже произведен, но и увеличение производства хлеба. А для

того, чтобы производство хлеба увеличивалось соответственно нуждам и потребностям пролетарского государства, мы должны заботиться о том, чтобы основные производственные и потребительские нужды колхозов и колхозников были удовлетворены, иначе они сеять и расширять производство не будут».

Примерно такого же мнения придерживались Рудзутак и Косиор, телеграфируя Сталину (январь–март 1932 г.) о планировании хлебозаготовок.

«Мне кажется, – продолжал Хатаевич, – что из этого исходило постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 6 мая с. г., в котором объявлялось о некотором уменьшении планов хлебозаготовок и о колхозной торговле хлебом.

До сих пор во всех местах и случаях, где мне приходилось организовывать, проводить хлебозаготовки, я исходил именно из этого положения и глубоко убежден, что иначе, при общей постановке вопроса о хлебозаготовках, к борьбе за хлеб подходить невозможно.

Формула „колхозы для пролетарского государства, а не пролетарское государство для колхозов" для меня является более чем бесспорной. Но в колхозах есть еще колхозники, крестьяне – вчерашние единоличники, которые могут отвернуться от колхозов, махнуть на них рукой, если мы не обеспечим им должной заинтересованности в колхозном производстве. Рабочий класс и его партия должны подчинить себе и вести за собой крестьянство, особенно колхозное, но мы должны достигать этого, в первую очередь, мерами правильной ленинской политики в отношении к крестьянству, рассчитанной и построенной на том, чтобы обеспечить со стороны колхозного крестьянства, его передовой части в особенности, должную поддержку пролетарскому государству...

Если в том, что я здесь написал, по-вашему, есть оппортунизм, то Вам следует тогда отнести меня к разряду неисправимых оппортунистов.

С ком. приветом.

М. Хатаевич»[31].

На это последовал ответ Молотова (из Харькова):

«Тов. Хатаевич!

Начал было писать ответ на Ваше письмо, но времени нет и потому ограничиваюсь несколькими строчками.

Ваша позиция в корне неправильна, небольшевистская. Нельзя большевику отодвигать удовлетворение нужд – минимальных нужд, по строго и неоднократно проверенному партией решению – нужд государства на десятое и даже на второе место, на удовлетворение этих нужд из колхозных и других „озадков".

Большевик, продумав и проверив их размер и обстановку в целом, должен поставить удовлетворение нужд пролетарского государства во внеочередном порядке.

С другой стороны, нельзя впадать и в обратную оппортунистическую крайность: „брать *любой* хлеб и где угодно, не считаясь и пр." Эта позиция также небольшевистская и вытекает из отчаяния, к чему мы не имеем никаких оснований.

Итак, Вам надо поправить свою ошибку, не настаивать на ней и вести работу по-большевистски, чему у Вас много данных.

С тов. приветом.

В. Молотов»[32].

Нажим на Хатаевича был и в Политбюро ЦК КП(б) Украины, и он вынужден был сам внести предложение: «Ввиду неудовлетворительных некоторых формулировок в брошюре Хатаевича о хлебозаготовках изъять из обращения до внесения в нее Хатаевичем необходимых исправлений». После внесения исправлений предложить членам Политбюро просмотреть и только после этого издать[33].

Разумеется, ни Хатаевич, ни Косиор, ни другие руководители партийных организаций не являлись противниками или оппозицией сталинскому руководству (они сами в него входили), но поскольку они непосредственно проводили сталинскую политику и лучше знали отношение и крестьянства, и низовых работников к мероприятиям Центра, то вынуждены были как-то скорректировать эту политику, чтобы не довести дело до всекрестьянского восстания (как это было весной 1930 г.). Они обращались в Политбюро, к Сталину с просьбой снизить планы хлебозаготовок, так как хлеб почти весь был изъят, начинался голод.

Репрессии приобретали невиданный размах. Только за ноябрь и пять дней декабря 1932 г., сообщает Косиор Сталину, на Украине в связи с хлебозаготовками органами ГПУ арестовано 1 230 человек, в том числе 340 председателей колхозов, 750 членов правлений, 140 счетоводов. Кроме того, арестовано 140 бригадиров, 265 завхозов и весовщиков, 195 других работников колхозов. Всего, таким образом, было арестовано 1 830 человек. На «черную доску» решением ЦК КП(б) и СНК Украины занесено шесть крупных сел и постановлениями облисполкома – до 400 колхозов.

Репрессии применялись и к коммунистам, недостаточно рьяно выполняющим директивы Центра, – отдано под суд 327 человек. И тем не менее план хлебозаготовок Украина не сумела выполнить – на 8 декабря 1932 г. оставалось заготовить еще 94 млн пудов[34].

Хатаевич в письме Сталину 27 декабря объясняет причину неудовлетворительного хода хлебозаготовок на Украине. В частности, он пишет о плохом планировании хлебозаготовок: «Несмотря на многократное исправление планов, многочисленные ошибки, имевшие место в планировании заготовок, в виде дачи одним районам нереальных, невыполнимых заданий, а другим – легких (?), до сих пор ошибки не исправлены.

Считаю необходимым сказать, что план хлебозаготовок в 425 млн пудов (после снижения – 315 млн), который вначале получила Украина,

не содействовал созданию должной мобилизованности в борьбе за хлеб. Многие были уверены в его невыполнимости и ничего не делали. Если бы вначале Украина получила 350 млн – скорее бы выполнила».

Сталин на письме приписывает: «Интересно», а Молотов: «Ложную установку свою т. Хатаевич углубляет»[35].

Однако ничего не изменяется. Наоборот, нажим и репрессии усиливаются. Сталин неумолим. 10 декабря 1932 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) заслушивается доклад Косиора. Ход хлебозаготовок признается неудовлетворительным. Кагановичу и Постышеву предлагается «немедленно выехать на Украину на помощь ЦК КП(б)У и СНК УССР, засесть в решающих областях в качестве особоуполномоченных... и принять все необходимые меры организационного и административного порядка для выполнения хлебозаготовок». Отменяется постановление ЦК КП(б) Украины о колхозных фондах, и теперь в счет хлебозаготовок начинают вывозиться и семенные фонды.

14 декабря принимается постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области, которое обязывает партийные органы этих районов «решительно искоренять эти контрреволюционные элементы („саботажников хлебозаготовок". – *Н.И.*) путем арестов, заключения в концлагерь на длительный срок, не останавливаясь перед применением высшей меры наказания к наиболее злостным из них». К числу «злейших врагов партии, рабочего класса и колхозного крестьянства» отнесены теперь и «саботажники хлебозаготовок с партбилетом в кармане, обманывающие государство и проваливающие задания партии и правительства... По отношению к этим перерожденцам, врагам Советской власти и колхозов, все еще имеющим партбилет, ЦК и СНК обязывают *применять суровые репрессии, осуждение на 5–10 лет заключения в концлагерь, а при известных условиях – расстрел»* (курсив наш. – *Н.И.*).

Все исключенные за срыв хлебозаготовок коммунисты подлежали выселению в северные области наряду с кулаками[36].

Каганович, командированный на Украину, 22 декабря 1932 г. сообщает Сталину, что семь уполномоченных ЦК КП(б)У и три уполномоченных обкомов партии по хлебозаготовкам сняты, а дела об их пребывании в партии переданы ЦКК КП(б)У. «Сегодня, – рапортует Каганович, – постановили арестовать и отдать под суд с опубликованием в печати четырех наиболее злостно срывающих хлебозаготовки директоров совхозов».

Сталин на телеграмме Кагановича пишет: «Хорошо!»[37].

Через два дня, 24 декабря, председатель ГПУ Украины В.А. Балицкий телеграфирует из Одессы Ягоде, что он и Каганович считают необходимым выслать из Одесской области на Север 500 семей. Косиор, в свою очередь, просит Сталина разрешить выселение еще 300 семей из Черниговской области. Политбюро ЦК ВКП(б) 26 и 31 декабря дает согласие на репрессивные меры[38].

«Опыт» Северного Кавказа и Украины мгновенно перенимается. И вот уже на Нижней Волге, в Нижне-Чирском районе, на «черную доску» заносятся 25% колхозов. В Сталинградский район Нижневолжского края Сталин и Молотов посылают телеграмму, в которой требуют повинных в прекращении сдачи хлеба (ввиду голода) «преступников» «немедленно судить и дать 5, лучше 10 лет тюремного заключения»[39].

С большим напряжением к началу декабря 1932 г. Сибирь выполняет план хлебозаготовок на 81,5%. Оставшуюся часть секретарь крайкома Р.И. Эйхе просит И.В. Сталина отсрочить до 1 марта 1933 г. Просьба отклоняется: в качестве «крайней меры» Сталин и Молотов соглашаются на отсрочку до 1 февраля. «Ответственность возлагаем, – говорится в телеграмме, – на Эйхе, Грядинского (председатель крайисполкома. – *Н.И.*) и уполномочиваем их применять все меры репрессий, какие найдут нужным применить»[40].

5 декабря 1932 г. Сталину сообщают, что совхозы Урала не могут выполнить план хлебозаготовок ввиду низкого урожая (3,65 ц/га). Для выполнения плана там мобилизовано все: вывозятся семена, перемолачивается солома и т.п. Сталин и Молотов тут же телеграфируют в Свердловск: «Шифровку Мирзояна о невыполнении плана совхозами считаем неубедительной: формально бюрократический. Областное руководство не может уйти от ответственности и за невыполнение плана совхозами. СНК и ЦК обязывают вас сообщить в Москву фамилии директоров отстающих совхозов, а директорам объявить от имени СНК и ЦК, что в случае невыполнения плана они будут арестованы как обманщики, саботажники и враги Советского государства, так же, как арестован ряд директоров Западной Сибири, Украины, Северного Кавказа. Директорам объявите, что партбилет не спасет их от ареста, что враг с партбилетом заслуживает большего наказания, чем враг без партбилета»[41].

В конце 1932 г. Сталин в беседе с секретарем ЦК КП(б) Украины и Харьковского обкома партии Р. Тереховым, рассказывавшим ему о массовом голоде на Украине, заявил: «Нам говорили, что вы, товарищ Терехов, хороший оратор, оказывается, вы хороший рассказчик – сочинили такую сказку о голоде, думали нас запугать, но – не выйдет! Не лучше ли вам оставить пост секретаря обкома и ЦК КП(б) и пойти работать в Союз писателей; будете сказки писать, а дураки будут читать». Через две недели Терехов был снят с работы[42].

Карательные меры на государственном уровне не могли не сказаться на методах проведения хлебозаготовок: у колхозников и единоличников забирали весь хлеб подчистую, как в годы продразверстки, с тем, однако, отличием, что теперь забирали все и у заведомых бедняков. Люди пухли от голода, умирали…

Голод начался зимой 1932 г., массовый характер он принял весной 1933 г., когда голодали уже десятки миллионов. 15 марта 1933 г. Косиор в письме Сталину сообщал: «Всего по регистрации ГПУ на Украине охва-

чено голодом 103 района. Вряд ли все эти цифры о количестве районов правильно отражают состояние дел». Начальник Киевского облотдела ГПУ, сообщая о тысячах голодающих, опухших, умерших, отмечал: «Приведенные цифры значительно уменьшены, поскольку райаппараты ГПУ учета количества голодающих и опухших не ведут, а настоящее количество умерших нередко неизвестно и сельсоветам»[43].

В Винницкой области весной 1933 г. голодало примерно 121 тыс. человек. В письме секретаря Брацлавского райкома партии в обком читаем: «Сейчас надо открыто сказать, что голодание имеет место в большинстве сел нашего района, а в отдельных селах смертность от голодания набрала массовый характер, особенно в таких селах: Скрицкое, Семенки, Зеньковцы, Самчинцы, Сильницы, Грабовцы, Волчок, Марксово, Вишковцы, Остапковцы и др. Есть случаи, когда колхозник выходит в поле на работу, там ложится и умирает»[44].

Секретарь Винницкого обкома партии В.И. Чернявский сообщает Косиору: «В последнее время увеличилось число смертей и не прекращаются факты людоедства и трупоедства. В некоторых наиболее пораженных голодом селах ежедневно до 10 случаев смерти. В этих селах большое количество хат заколоченных, а в большинстве хат крестьяне лежат пластом и ни к какому труду по своему физическому состоянию не пригодны...

Прошу вопрос о продовольственном положении нашей области срочно решить в тех минимальных размерах, о которых я пишу»[45].

Косиор вряд ли мог чем-либо реально помочь. Ведь Сталин упорно игнорировал нужды голодающей Украины. Правда, позднее Постышеву удалось убедить его прекратить выкачку хлеба и оставить для Винницкой области 9 тыс. пудов хлеба на 121 тыс. голодающих, т.е. по одному килограмму на человека (?!).

В этой связи вряд ли можно согласиться с проф. М. Таугером, который пишет, что советское правительство, хотя и не прекратило экспорт зерна, но «действительно пыталось облегчить голод». В качестве аргумента он приводит данные о том, что в 1933 г. Украине была предоставлена семенная ссуда в размере 320 тыс. т, Северному Кавказу – 240 тыс. т. Кроме того, Украине было выделено 80 тыс. т зерна на продовольствие. Но, во-первых, семенная ссуда – это не помощь голодающим, а забота о будущем (1933 г.) урожае, так как Украина и Северный Кавказ в то время были основной «житницей» страны. Если бы весной 1933 г. они не получили (свое же!) зерно для посева, то все население СССР – а не только крестьяне – было бы обречено на голод. Во-вторых, 80 тыс. т продовольствия для Украины означали 3 кг хлеба на человека. Какое же это «облегчение голода?»

Сталинское руководство ничего не делало, чтобы предотвратить голод. Еще летом 1932 г. Молотов, вернувшись с Украины, на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) заявлял: «Мы стоим действительно перед призраком голода, и к тому же в богатых хлебных районах». Но Политбюро решило «во что бы то ни стало выполнить утвержденный план хлебозаготовок»[46].

Не только Украина и Северный Кавказ, но и другие районы были охвачены голодом. 1932–1933 гг. – самый тяжелый период в жизни кочевников Казахстана. Это признают многочисленные документы.

«Голодовкой охвачены все аулы района, – читаем в телеграмме из Уштобе, относящейся к началу 1932 г. – Распались три аула возле Балхаша. В остальных шести административных аулах было 4 417 хозяйств, осталось 2 260, из которых голодают 63 процента. Остальное население остронуждающееся... Всего умерло, по неточным данным, не менее 600 человек. Голодающие питаются падалью коней, отбросами бойни».

В сводке Каз. ПП ОГПУ от 4 августа 1932 г. сообщается, что в Атбасарском районе на почве голода «наблюдаются массовые случаи опухания и смерти». С 1 апреля по 25 июля зарегистрировано 111 случаев смерти. Голодом охвачено «около 100 тыс. хозяйств казахов кочевых районов, находящихся еще на местах. Среди казахского населения наблюдаются массовые заболевания и смертность», – отмечается в записке СНК Каз. АССР.

В августе 1932 г. председатель СНК Казахской АССР У.Д. Исаев пишет Сталину, что в 10–12 районах Центрального Казахстана значительная часть населения голодает; весной 1932 г. умерло не менее 10–15 тыс. человек. Общее количество крестьянских хозяйств края по сравнению с 1931 г. сократилось на 25%[47].

В одном из донесений политсектора МТС Наркомзема Казахстана сообщается, что массовые откочевки, высокая смертность казахского населения, отсутствие хлеба для питания и фуража для скота характерны для зимы 1932/33 г.: «Колхозники уходили в горы, пески, шли собирать коренья и семена дикорастущих трав. Оставшиеся колхозники не могли работать из-за сильного истощения и болезней»[48].

9 марта 1933 г. зампредседателя СНК РСФСР Т.Р. Рыскулов пишет в ЦК ВКП(б): «По данным местных органов, в Тургайском и Батбакаринском районах вымерло 20–30 проц. населения и большая часть остального населения откочевала. В Челкарском районе в ряде аулсоветов вымерло 30–35 проц. населения»[49].

Из политдонесения начальника политотдела Тамалинской МТС (Нижняя Волга) от 4 июня 1933 г.: «По неполным данным, в Тамалинском районе на почве недостаточного питания с января по 25 мая текущего года опухло 1 028 человек, в том числе колхозников 624. За это же время умерло 725 человек». В колхозах МТС Бурасского района того же края за январь–май 1933 г. умерло 495 человек, а всего умерло от голода 800 человек. В колхозах Благовещенской МТС Самойловского района (Нижняя Волга) только за полтора месяца (апрель – 15 мая) умер 301 человек. В Автономной республике немцев Поволжья в 1932 г. численность населения сократилась на 20 152 человека и т.д.

Начальник политотдела МТС Камепкирского района (Средняя Волга) сообщает, что весной и летом 1933 г. в колхозе «Заветы Ильича» от голода «ежедневно умирало от 4 до 6 человек, а всего за четыре месяца умерло 400 человек».

Начальник политотдела Черноерковской МТС Славячского района Северного Кавказа в одном из выступлений говорит: «Поголовное, полное

опухание, ежедневные смерти до 150 человек в одной станице и больше». В зоне деятельности Пластуновской МТС весной 1933 г. умерли от голода 1 300 человек; в станице Старонижнестеблиевской за три месяца зимы–весны 1933 г. – 873 человека; в зоне Должанской МТС в январе–мае 1933 г. – 435 человек; в селении Ново-Золотовское – 140 человек и т.д.[50]

В феврале 1933 г. Шолохов пишет Сталину, что Вешенский район «идет к катастрофе... Большое количество людей пухлых. Это в феврале, а что будет в апреле, мае...»[51].

В то время когда десятки миллионов человек голодают, за границу вывозится 18 млн ц зерна – плата за валюту на индустриализацию. Этим хлебом можно было бы спасти от голодной смерти миллионы крестьян.

Сотни тысяч крестьян – голодные, нищие – покидают родные края в поисках куска хлеба. Но даже это решительно пресекается сталинским руководством. 22 января 1933 г. за подписью Сталина и Молотова рассылается директива партийным и советским организациям, органам ОГПУ ряда районов СССР, в которой отмечается: до ЦК ВКП(б) и СНК СССР дошли сведения, что на Украине и Кубани начался массовый выезд крестьян в ЦЧО, на Волгу, в Московскую и Западную области, в Белоруссию. «ЦК ВКП(б) и СНК СССР не сомневаются, что этот выезд крестьян, как и выезд из Украины в прошлом году, организован врагами Советской власти, эсерами и агентами Польши с целью агитации „через крестьян" в северных районах СССР против колхозов и вообще против Советской власти». В связи с этим органам власти и ОГПУ Украины и Северного Кавказа предписывается не допускать массового выезда крестьян в другие районы, а органам ОГПУ Московской, Западной, Центрально-Черноземной областей, Белоруссии, Средней и Нижней Волги «немедля арестовывать пробравшихся на север „крестьян" Украины и Северного Кавказа и после того, как будут отобраны контрреволюционные элементы, водворять остальных на места их жительства»[52]. Соответствующие указания даются и транспортным отделам ОГПУ.

К началу марта 1933 г. задержано 219 460 человек, но даже органы ОГПУ вынуждены признать, что основную массу задержанных составляют крестьяне, отправившиеся на поиски хлеба. Из числа задержанных 186 588 человек возвращают, остальных привлекают к судебной ответственности[53].

В апреле 1933 г., когда на Северном Кавказе голод достигает апогея, а хлебозаготовки продолжаются, Шолохов пишет Сталину о произволе, который чинится на Дону: массовое изгнание колхозников из домов и запрет принимать их на ночь, надругательство и издевательство над людьми и т.п.

«Это не отдельные случаи загиба, – продолжает Шолохов, – это узаконенный в районном масштабе „метод" проведения хлебозаготовок... Если все описанное мною заслуживает внимания ЦК, пошлите в Вешенский район доподлинных коммунистов, у которых хватило бы смелости, невзирая на лица, разоблачить всех, по чьей вине смертельно подорвано колхоз-

ное хозяйство района, которые по-настоящему бы расследовали и открыли не только тех, кто применял к колхозникам омерзительные „методы" пыток, избиений и надругательств, но и тех, кто вдохновлял на это».

Сталин отвечает 6 мая 1933 г.:

«Дорогой тов. Шолохов!

Оба Ваши письма получены, как Вам известно. Помощь (продовольственную. – *Н.И.*), какую требовали, оказана уже. Для разбора дела прибудет к Вам, в Вешенский район, т. Шкирятов, которому очень прошу Вас оказать помощь.

Это так. Но это не все, т. Шолохов. Дело в том, что Ваши письма производят несколько однобокое впечатление. Об этом я хочу написать Вам несколько слов. Я поблагодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячки нашей партийно-советской работы, вскрывают то, что иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма.

Но это не значит, что я во всем согласен с Вами. Вы видите одну сторону, видите неплохо. Но это только одна сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике (Ваши письма – не беллетристика, а типичная политика), надо обозреть, надо уметь видеть и другую сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы Вашего района (и не только Вашего района) проводили „итальянку", саботаж и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), – этот факт не меняет и того, что уважаемые хлеборобы по сути вели „тихую войну" с Советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов.

Конечно, это обстоятельство ни в коей мере не может оправдать тех безобразий, которые были допущены, как уверяете Вы, нашими работниками. И виновные в этих безобразиях должны понести должные наказания. Но все же ясно, как божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это может показаться издали.

Ну, всего хорошего и жму Вашу руку.

Ваш Сталин»[54].

И это писалось в ответ на сообщение Шолохова о том, что в районе «пухлые и умирающие есть», люди «пожирали не только свежую падаль, но и пристреленных сапных лошадей, и собак, и кошек, и даже вываренную в салотопке, лишенную всякой питательности падаль»[55]. Правда, по письму Шолохова и итогам проверки Шкирятова (того самого, который был членом комиссии Кагановича и принимал участие в выработке жестокого постановления по хлебозаготовкам на Северном Кавказе от 4 ноября 1932 г.) было принято 4 июля 1933 г. постановление Политбюро ЦК ВКП(б), в котором признавались «перегибы» в хлебозаготовках в Вешенском районе. Но признавались в такой форме, что фактически их оправды-

вали. «ЦК считает, – говорилось в постановлении, – что *совершенно правильная и абсолютно необходимая политика нажима* на саботирующих хлебозаготовки колхозников была искривлена и скомпрометирована в Вешенском районе благодаря отсутствию достаточного контроля со стороны крайкома». Виновники издевательств над крестьянами понесли мягкое наказание: крайкому указано на «недостаточный контроль над действиями своих представителей и уполномоченных»; второй секретарь крайкома Зимин освобожден от работы; инициатору перегибов, секретарю Ростовского горкома партии Овчинникову, объявлен строгий выговор, он снят с работы с запретом на один год работать в деревне; районным работникам Плоткину и Пашинскому также объявили строгие выговоры, «воспретив им работу в Вешенском районе».

Между тем Зимин, приехав в Вешенский район, не только не пресек творившиеся безобразия, а стал «накручивать и подстегивать» уполномоченных и районных работников «в духе дальнейшего проведения перегибов»[56]. Не поднялась рука у Сталина на исполнителей его воли.

Ответ Сталина Шолохову и постановление ЦК от 4 июля 1933 г. наглядно иллюстрируют отношение сталинского руководства к крестьянству – колхозникам и единоличникам. Показательно в этом смысле выступление Сталина на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б) 27 ноября 1932 г. в связи с хлебозаготовками. Он говорил: «Наши сельские и районные коммунисты слишком идеализируют колхозы. Они думают нередко, что, коль скоро колхоз является социалистической формой хозяйства, то этим все дано и в колхозах не может быть ничего антисоветского или саботажнического, а если имеются факты саботажа и антисоветских явлений, то надо пройти мимо этих фактов, ибо в отношении колхозов можно действовать лишь путем убеждения, а методы принуждения к отдельным колхозам и колхозникам неприменимы... Было бы глупо, если бы коммунисты, исходя из того, что колхозы являются социалистической формой хозяйства, не ответили на удар этих отдельных колхозников и колхозов сокрушительным ударом»[57].

И эта линия твердо проводилась в жизнь сталинским руководством. Репрессии к колхозам, колхозникам и единоличникам, жестокий закон 7 августа 1932 г., написанный Сталиным, – все это звенья одной цепи. Закон 7 августа вводил «в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты – расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества»[58]. Амнистия по делам такого рода запрещалась.

Действительный смысл этого ужасного закона (утвердившего беззаконие!) был современникам вполне ясен: «за каждый срезанный колос человека расстреливать». Так его оценивала «группа Смирнова – Толмачева – Эйсмонта», члены которой – старые большевики – были исключены

из партии и впоследствии репрессированы. Они считали, что «неуспехи хлебозаготовок в Северо-Кавказском крае и на Украине объясняются старыми ошибками по сельскому хозяйству в проведении коллективизации», а А.П. Смирнов прямо заявлял: «Сволочи, подлецы, мерзавцы, до чего страну довели, черт знает, до чего докатились, до чего и царское правительство не докатывалось».

Н.В. Крыленко, бывший в то время наркомом юстиции РСФСР, в январе 1933 г. на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) приводил следующие данные о первых результатах применения закона за пять неполных месяцев 1932 г.: «Если мы возьмем общее количество дел и лиц, осужденных по закону 7 августа, то, на первый взгляд, мы имеем как будто достаточно внушительную цифру – 54 645 человек... Но как только вы поставите вопрос о том, какого рода репрессии здесь применялись, вы увидите следующую картину... применение высшей меры, которая была одним из основных мероприятий для того, чтобы ударить по прихлебателям этого классового врага, по тем, кто идет за ним, – она была применена судом первой инстанции всего на сегодняшний день в 2 110 случаях. Реализована же в гораздо меньшем количестве – едва ли в 1 000 случаях». Сам впоследствии незаконно репрессированный, Крыленко обрушивал свой гнев на тех судей, у которых «рука не поднимается»[59].

Анализ 20 тыс. дел показывает, что в числе осужденных 83% были колхозники и крестьяне-единоличники и только 15% – «кулацко-зажиточные элементы»[60]. Значит, острие этого бесчеловечного закона было направлено против крестьян, которые, спасая детей от голодной смерти, вынуждены были приносить домой с тока или поля килограмм-другой зерна, ими же выращенного.

Голод 1932–1933 гг. унес массу человеческих жизней. К сожалению, нет прямых данных о числе погибших. Но и косвенные сведения позволяют судить о масштабах человеческой трагедии, разыгравшейся в начале 30-х годов в СССР по вине сталинского руководства. Население СССР, например, с осени 1932 по апрель 1933 г. сократилось на 7,7 млн человек, главным образом за счет крестьян.

Интересна в этом отношении докладная записка заместителя начальника сектора населения и здравоохранения ЦУНХУ Госплана СССР от 7 июня 1934 г., из которой следует, что численность населения Украины и Северного Кавказа по состоянию на 1 января 1933 г. уменьшилась на 2,4 млн человек[61]. Но зима 1933 г. была не самым критическим периодом; им стала весна 1933 г., когда голод на Украине, Северном Кавказе, в Поволжье, Казахстане, Западной Сибири, южных районах ЦЧО и Урала принял катастрофически массовый характер. По данным украинских ученых, на Украине умерло от голода не менее 4 млн человек; в Казахстане погибло от 1 до 2 млн человек; на Северном Кавказе, в Поволжье, ЦЧО, Западной Сибири и на Урале – 2–3 млн и т.д. Таким образом, можно считать, что голод 1932–1933 гг. унес 7–8 млн человеческих жизней.

Насильственная коллективизация и ликвидация экономически крепкого и дееспособного населения деревни разрушили производительные силы сельского хозяйства, превратили крестьян даже не в наемных рабочих, а фактически в крепостных, которые почти ничего не получали за свой труд. В отличие от царского крепостного права, когда крестьяне в основном принадлежали помещику, теперь они были крепостными тоталитарного государства.

Колхозы явились той организационной формой закрепощения крестьян, которая, с одной стороны, позволяла государству привязывать их к земле, а с другой – облегчала изъятие хлеба и другой сельскохозяйственной продукции из деревни. В январе 1933 г. после провала хлебозаготовок, в условиях массового голода партийно-государственное руководство ввело обязательные поставки колхозной продукции (погектарный принцип), имевшие силу закона. Цены на сельхозпродукцию, и прежде всего на зерно, были установлены символические – в 10–12 раз ниже рыночных. Хотя это несколько и упорядочило хлебозаготовки, но существенно не изменило положения крестьян – хлеб из деревни по-прежнему почти весь изымался.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Сталин*. К шестидесятилетию со дня рождения. М., 1940. С. 239.
[2] РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5324. Л. 66.
[3] Кремлевский архив Политбюро ЦК КПСС (Б. архив ПБ ЦК КПСС).
[4-14] Там же.
[15] *Осколков Е.Н.* Голод 1932–1933: Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д, 1991. С. 24.
[16] Там же. С. 24, 25.
[17] Там же. С. 26; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 904. Л. 11.
[18] Б. архив ПБ ЦК КПСС.
[19] Там же.
[20] Там же.
[21] *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов. По материалам политбюро ЦК ВКП(б) и ОГПУ // Кооперативный план: иллюзии и действительность. Сб. статей. М.: РГГУ, 1995.

22 Б. архив ПБ ЦК КПСС.
23 Там же.
24 Знамя. 1989. № 3. С. 66–67.
25–41 Б. архив ПБ ЦК КПСС.
42 Правда. 1964. 26 мая.
43 Изв. ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 131.
44 Юность. 1990. № 12. С. 52.
45 Там же.
46 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 536. Л. 9.
47 Казахстанская правда. 1989. 17 янв.
48 История СССР. 1989. № 2. С. 6.
49 Казахстанская правда. 1989. 15, 17 янв.
50 *Осколков Е.Н.* Указ. соч. С. 74.
51 Там же.
52 Б. архив ПБ ЦК КПСС.
53 Там же.
54 РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 3459. Л. 1–7.
55 Дон. 1988. № 6. С. 122.
56 Б. архив ПБ ЦК КПСС.
57 Материалы Объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), 7–12 января 1933 г. М., 1933. С. 148.
58 Собрание законов. 1932. № 62. Ст. 360.
59 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 514. Л. 20.
60 Там же.
61 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1025. Л. 29.

Д.Н. Хубова

ЧЕРНЫЕ ДОСКИ: TABULA RASA
ГОЛОД 1932–1933 годов В УСТНЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВАХ

Худобу забрали, добро растягли,
а бедных казаков в тюрьму забрали.
Из местного фольклора 30-х годов

В отечественной историографии устная история, ее методология и метод долгое время находились вне поля зрения исторической науки: исторические источники устного происхождения долгое время являлись объектом пристального внимания фольклористики, но не истории. Историческое источниковедение, как и история, не принимало устный источник, особенно не пытаясь разобраться в его природе и развивать методы и приемы исторической критики. Архивоведение и археография путем использования фонодокументов затронули лишь некоторые прикладные аспекты (в первую очередь комплектование) работы с источниками устной истории.

Недоверие к устной истории – как к методу, так и к собственно историческому материалу – вполне оправданно и обоснованно: источники устного происхождения традиционно считались и, как правило, до сих пор считаются мифологичными. Со времен Платона миф находился в резкой и четкой оппозиции к знанию и – возможно, менее выраженно – к исследованию.

Ясно, что фетишизация письменных источников в значительной степени связана с техническими условиями передачи и хранения исторической информации. Сложилась ситуация, в которой историческая наука очертила поле своих исследований документами, ограждая себя от имманентной «мифологичности» устно-исторических источников.

Однако изменение техносферы всегда означает и переход общества в новое социальное измерение. С помощью техники XX в. «устная история» возрождает первый, если не самый ранний инструмент историка

Хубова Дарья Никитична – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории науки, завлабораторией «Устная история» РГГУ.

(по-древнегречески «хисторио» буквально означает «хожу, расспрашиваю, узнаю»), древнейший метод исторического исследования и *создания источника*[1], превращая его из мифа в знание, в полноценный и полноправный исторический источник.

«Развитие с середины XX века различных форм неграфического хранения информации с годами, конечно, скажется и на психологии ученого»[2].

Очень важным для понимания задач метода устной истории является четкое представление ее ориентиров: устная история интересуется тем, что *не написано* не только потому, что народы или социумы по разным причинам (политическим, религиозным, социокультурным, этническим и др.) не могут писать, а значит, и оставить свой след в истории, но и потому, что этот не зафиксированный письмом материал принципиально отличается от того, что содержится на бумаге или в камне.

Поэтому основная задача устной истории как метода исторического исследования – «*подслушать* то, что изучаемое общество не сумело или не позаботилось о себе *рассказать*» (А.Я. Гуревич).

Говоря о значении и актуальности разработок метода устной истории для отечественной исторической науки, достаточно лишь осознать тот факт, что письменные источники не составляют *summa culturae*. Исследования в области устной истории (к сожалению, единичные), по существу, являются спасением уходящего объекта – устной исторической информации. В нашем общем прошлом ими не гнушались И.И. Голиков, А.С. Пушкин, Н.И. Надеждин, В.О. Ключевский, П.И. Бартенев и многие другие.

Рассматривая устную историю как метод фиксации устного нарративного текста в целях его использования в историческом исследовании, уместно вспомнить изречение русского философа Н.Ф. Федорова:

«История – это совокупность биографий, восстанавливающих память о жизни отцов и братий наших и потому роднящих настоящее с прошлым, сообщающих бывшему, но забытому реальное бытие».

* * *

Контекст данного сборника в целом характерен для традиционной исторической науки, по-прежнему наводящей фокус своего исследования на фактографию. Макроистория борется за установление факта: был ли голод на Украине и юге России в 1932–1933 гг. «делом рук человека», искусственным, организованным голодом или же он явился результатом засухи и низкой урожайности?

Оставим в стороне цифры и факты большой истории, их достаточно в статьях Н.А. Ивницкого и М. Таугера, не будем повторять их мыслительных построений, а попытаемся вывести проблему за рамки, заданные ей презумпцией *документа* и отраженного в нем *факта*. Обе статьи наглядно демонстрируют старую истину о том, насколько факт сам по себе условен и зыбок, насколько документ, как и любой исторический источник, зависим

от контекста и интерпретации, игры ума историка, воображения и тождеств смысла.

Обратимся к фактам микроистории, которая, впрочем, тоже не ответит однозначно на вопросы, закономерно встающие после прочтения статьи М. Таугера. Первый из них: неужели депортация спасала людей от недорода?

«Урожай был ... был, был. А вот этого я не добилася – почему в 33-м дикий был голод? Были же кукуруза, и семечки, и пшеница, и все... Почему вот это ж?..» (Комлацкая М.А.)

Неужели эшелоны, теплушки, двигавшиеся с юга России и Украины в Казахстан, увозили людей от недоедания и людоедства? А другие вагоны в это же время ползли с Волги, из средней полосы России на юг... Зачем? Зачем понадобилось переселять людей в «зону голода»? Из какого гипертрофированного альтруизма компания филантропов решила поупражняться в человеколюбии?

На все эти и другие вопросы макроистория тоже не находит однозначных ответов. Попробуем следовать не фактам *события*, которыми, безусловно, стал голод 1932–1933 гг., а фактам *со+бытия*. Фактам повседневности и обыденного сознания, фактам в осознании, понимании и интерпретации тех, кто их пережил... Посмотрим, как *бытийность* и *событийность* сочетаются в жизни и соответственно в истории.

* * *

Тексты приводимых ниже фрагментов интервью, взятых у жителей Краснодарского края (г. Краснодар, станицы Ленинградская, Полтавская, Красноармейская, Должанская) научной экспедицией лаборатории «Устная история» РГГУ летом 1989 г., хранятся в архиве лаборатории, являясь ее материальной и интеллектуальной собственностью.

С учетом специфики данного вида исторического источника статья основана не на одном-двух документах, а на массовом источнике – устной нарации, меморате, интервью (это лишь вопрос терминологии), свидетельствах, взятых у жителей одной станицы Уманской (впоследствии Ленинградская) Краснодарского края. Устно-историческое исследование велось не по типу жизнеописания (life story), биографического интервью. Его жесткими хронологическими и сюжетными рамками является голод 30-х годов. Массовость опроса определила репрезентативность и выборку, став той верификацией, которой часто не хватает исследователю. В статье использованы фрагменты лишь тех интервью, в которых раскулачивание и голод 1932–1933 гг. описываются так, как они отложились в сознании и памяти станичников, что вписывается в систему ценностей макроистории. А для интерпретации данного материала микроисторией важно то, что сохраняются ее измерения прошлого, подчеркивая колорит, целостность и уникальную фактуру этой разновидности исторического источника.

Трюизм: память просеивает, фильтрует прошлое, заставляя нас запоминать одно, а не другое. Но было бы профессиональным преступлением игнорировать историческое наследие, когда его хранит память сотен людей.

Не претендуя на абсолютную достоверность излагаемых фактов в источниках устной истории, хотелось бы обратить внимание читателя на то, что эти документы содержат самые разные, порой трудно различимые пласты исторической информации – и исторический факт, и отношение к нему его свидетелей и очевидцев.

Действительно, факты часто можно почерпнуть из учебников и справочников... Но отношение, атмосфера, воздух времени будут утрачены.

* * *

Итак, голод, каким он запечатлен коллективной и индивидуальной памятью, каким его сформировало и сформулировало коллективное сознание.

«Война кулаку не на жизнь, а на смерть», объявленная зимой 1929–1930 гг., меняет политику коллективизации. Методы вовлечения крестьян в колхозы становятся более жесткими.

«К декабрю месяцу объявили общий колхоз. Вся станица – в один колхоз Ильича. Приехал председатель, такой был Половцев. Вот на митинге все и сделали: все должны идти, полнейшая коллективизация» (Колесник М.С.).

«Ой, как же мы боялись идти в колхоз, страшно боялись» (Солодкова Р.М.).

«Люди не хотели в колхоз идти, кричали, плакали» (Баканова В.С.).

«Слыхали таку частушку: „Колхозники – дураки, нема ни хлеба, ни муки"? Или вот еще: „Ах, эта глупая коза, была в колхозе; давала литр молока, спала в навозе!.."» (Капуста Р.Н.).

Колхозы создавались из расчета один на станицу. В крупных станицах, таких, как Полтавская, Уманская и другие, колхозы делились на стодворки.

«Бабка-то моя туга на ухо была. И все никак не могла это слово-то „колхоз" понять. Все ей страхи какие-то с этим словом виделись... Больше всего она боялась умереть: ей казалось, что если все общее, то как же хоронить-то? С кем-то еще, что ли?» (Павлоградская А.А.).

Парадоксально, жутко, но «страхи бабки» оказались реальностью: умерших от голода людей действительно хоронили *всех вместе* (см. ниже).

В ходе создания коллективного хозяйства «раскулачивали» всех, включая бедняков, уже за одно нежелание отдавать в колхоз свое имущество: «Тетка моя вилки-то [имеются в виду вилы] взяла и давай их вот так вилками: „Не допустю до коней!". У ней пара коней. А назавтра пришли, ее раскулачили, забрали и выслали на выселку, и дети померли...» (Баканова В.С.)

«Нас раскулачивали, меня – кулачку этакую [девочке не было года] из люльки взяли и бросили в сугроб, и соску у меня отняли. Приказ был такой, чтобы соседи нас не брали. В феврале месяце это было» (Пальцева Н.И.).

Заметим, что в понятия «кулак», «бедняк» представители различных регионов и слоев населения вкладывают разное содержание. Так, существенна разница в понимании этих категорий и представлениях о бедняках, середняках и кулаках среди казачества. Существуют и расхождения между коллективными представлениями казаков и иногородних, то есть издавна селившихся здесь жителей средней полосы России, а также вновь приехавших «переселенцев».

Вот характерное описание бедняцкого быта кубанского казачества:

«Мы самые бедняки были... Мы знали степь, мы знали, как землю обрабатывать. Мы работали. С раннего утра до двух часов. Тогда отдыхали лошади, и мы отдыхали в обед. Потом опять работали до вечера... Сеяли овес, пшеницу, ячмень, кукурузу, семечки, баштан, картошку выращивали там – все! Курей, гусей туда водили, свиней туда водили, на степь. И выезжали там и жили мы в степи до самой Покровы, до самой осени... А потом оттуда приезжали, и дома мы ничего не делаем: семечки жарим, лузгаем, гуляем. Папаша пойдет, кобылу управит одну, а я пойду корову подою, а сестра старшая сготовит борщ, нарежет лапшу – и садимся за стол. Тут мамка, тут папка, тут я, сестра и брат. Из одной миски все едим, я же сказала, мы бедняки были, самые бедняки. И пирожки эти со сметаной... Хоть корова одна была, но сметана своя... Все в погребах было: есть было, пить было!..» (Баканова В.С.).

Иногородние жили по-другому.

«Он... кулачищ-ще такой... На него вот так посмотри – сверху до низу кулак. Вот только глазом одним посмотрите, и вы скажете, что это человек не советский» (Штемпелевская А.М.).

«Вот наберем семечек, идем по улице. Ну, и щелкаем семечки, поем песни. А кулацкая компания... только наши ребята что-нибудь такое – уже драка. Трудно було. Как мы одетые были бедно, очень. А в церковь ходили обязательно. Утречком не ходили, а уже после обеда, как обедня идет, тут уже мама наряжает в полотняное. Идем в церковь, молимся... А кулацкие тогда уже отличались от нас. Они были в красных рубашках и в таких вот синих рубашках, цветных таких вот, пестрых. А мы все полотняные» (Штемпелевская А.М.).

Мнение «переселенца» из Ленинградской области:

«Здесь кулацкие элементы были очень богатые. Никакого сравнения нет с теми крестьянами, что жили в местах Центральной России. Здесь были табуны лошадей, много рогатого скота, овец, много хлеба» (Баденков Л.К.).

Но вернемся к хронике коллективизации.

2 марта 1930 г. в «Правде» была опубликована статья Сталина «Головокружение от успехов», осуждающая «искривление принципа доброволь-

ности». Крестьянам было позволено держать одну корову (в станице Уманской корову оставляли только многодетным семьям), овец, свиней, птицу, инвентарь.

14 марта вышло постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», призывавшее «прекратить практику принудительных методов коллективизации». Но скот продолжали сгонять в пустующие после выселения раскулаченных дворы. «Скот начал пропадать... А весной сказали: „Забирайте по домам"» (Павлоградская А.А., Сергеева В.И.). «Животных возвращали полумертвых, но корма, которые забрали вместе с животными, не вернули» (те же). «И лошади, и коровы там подыхали, в колхозе», «до весны скот в сухарь превратился», – вспоминают станичники.

Тех же, кто, поверив постановлениям правительства, вышел из колхоза, пытаясь восстановить единоличное хозяйство (что было трудно, так как зерно для посева было отобрано колхозом), «спустя какое-то время всех забрали, семьи выслали, урожай забрали в колхоз и все имущество в колхоз» (Колесник М.С., Лозовой В.П.).

Но народ не всегда «безмолвствовал». В июне 1930 г. станичники организовали «бабий бунт» в Уманской. «Милиция закрыта была, совет закрытый – все закрыто и все улицы забиты, все это полностью забито женщинами: белый платок, белая кофта, черная юбка. И во все звоны звонят... Председатель местной РКИ Дубинин Кирилл Матвеевич... я как глянул на него – оборванный, только вот обшлаги на рубахе так застегнутые и висят на руках, а этого всего не-ету... Весь синий, порвали на нем кожу...» (Чернобай А.М.)

Около двадцати «звонарей», которые на самом деле были переодевшимися в женское платье мужчинами, были высланы за этот бунт задолго до повального выселения.

О массовом недоедании на юге России, предшествовавшем настоящему голоду, стало известно ранней весной 1932 г. Из письма Сталину рабочегодвадцатипятитысячника Пригоршина очевидно, что в селе Ольгинка Павловского района (в этот район входила и станица Уманская) устраивались массовые обыски в целях «изъятия продовольственных излишков». «Забирали отходы, которые колхозники получили в 1931 году ... Не было ни одного, где не проводилось бы тщательного обыска»[3].

Лишенные запасов, боясь невыполнимо завышенного плана хлебозаготовок, крестьяне прятали хлеб в страхе перед голодом.

7 августа 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли закон об охране социалистической собственности, который предусматривал за хищение колхозного имущества высшую меру наказания – расстрел. При смягчающих обстоятельствах расстрел заменялся 10-летним тюремным заключением[4]. Тысячи осужденных из голодающих превратились в злоумышленников.

Для выполнения плана при колхозных бригадах на местах были образованы так называемые комиссии содействия – комсоды. Комсодовцем мог

стать только колхозник. Как правило, такая комиссия состояла из постоянных членов – 2-3 комсомольцев и коммуниста (часто красного партизана); привлекали, судя по свидетельствам очевидцев, женщин из бедняцких дворов, нередко оставшихся без мужей, особенно в результате массового выселения.

«Я сама была делегаткой, заставляли нас. Мне надевали красный платок, и я ходила. Я трех детей бросала, а ходила, искала» (Шестакова П.З.).

Члены комиссий избирались на собраниях бригад.

«Мать была в этом же комсоде, считалась маломощным середняком. Она тоже была в активе в этом, когда ходят ищут зерно – и она с ними. Ну, покудова она ходила искала… подводы там берут, находят у кого и все забирают. В это время к нам приехала подвода. Приехали, зашли в квартиру (нас было трое детей, мы остались) и все, что у нас было, хранилось… они все это перевернули, метелками все вымели. В печи мать как раз пекла хлеб. Оттуда вывернули и тоже забрали все. Открыли шкаф и все забрали. И уже как от нас уехали – нам уже ужинать было нечего, мы остались без ничего. Мать пришла, а мы сидим уже тут… все раскидано было… Это жутко, это понять нельзя. Это никому не понятно» (Калоша Д.А.).

«Ребятишки бегут и орут: „Идут, идут!". Я смотрю – знакомица моя с ними. Я как разгневаюсь, ишь!.. Убить могла бы! Я ей: „Да ты че, ума рехнулась! Че ты тут?" – и, помню, толкнула ее. А она так гордо руку мне сует свою и отвечает: „А мне повязку красну дали…"» (Кононенко А.Н.).

Возможно, контраст «полотняное»–«цветное» подсознательно усилил желание некоторых женщин участвовать в работе комсода.

Этими же собраниями утверждался «план»: сколько и каких продуктов нужно изъять. Комсодовцам не разрешалось «в комнатах трусить», они должны были «выполнять план».

«Я была комсомолка, я была секретарь комсомольской ячейки, и нас послали раскулачивать, забирать зерно, там, у тех, кто побогаче. Я так понимала, что это, чтоб у всех было поровну. Ведь колхоз – коллективное хозяйство… Ну вот… Я-то чего… Я думала, шо они договорилися, и села ж на те подводы. Хозяин открывает мне ворота – и: „Ва-а-ря! Это ты?!" – на меня. А я уже секретарь комсомольской ячейки, меня уже назначили. Ну, я работала так уже… Нас показывали в кино, передвижку, шо мы передовые в колхозе. И тут я как вскочила с хода и як пошла!.. И больше не пошла! А потому что я заметила, что … ведь ему самому надо было ехать, а он пацанов, нас посылал. Получалось, что мы делали то, что не положено. Те отдавать не хотели, а мы не хотели зерно забирать насильно!» (Баканова В.С.).

Первыми попали под «плановую секиру» единоличники, на которых стояло клеймо: «В колхозы не пошли». О них «даже разговору не было». Мужчинам давали невыполнимую норму сдачи хлеба. «16 килограмм не вывез – ему дали 10 лет, и хозяйство все конфисковали» (Комлацкая М.А.). Жены с детьми были обречены на выселение следом.

С колхозниками поступали иначе: вызывали в стодворку и предлагали «подумать»: есть ли лишнее зерно (Павлоградская А.А.).

Забирали те самые «10 пудов на члена семьи, что были выданы после уборки. Да и то забирали в несколько заходов, не сразу, добираясь до последних запасов „на черный день". Корову у нас забрали. И все забрали: и картошку, и муку – все чисто стало, и... такие кусочки соли... осталася такая, знаете, соль на столе. И все. Корову привязали, взяли мерзлую картошку, ведуть, а мы стоим в колидоре, плачем...» (Головко А.С.)

В ответ на возмущение колхозников руководство пыталось уклониться от выполнения плана по «спущенной новой цифре». Так, в станице Уманской председатель колхоза «Ильич» Половцев заявил, что «лошади почти что погибли, урожай скудный. Я обеспечу всех колхозников хлебом, а остатки все сдам в заготовку» (Колесник М.С.).

Однако такие председатели уже в сентябре были обвинены в том, что подпали под «влияние классово чуждых элементов». Не исключением был и Половцев, «чего-то его быстро после этого собрания убрали. Уж не помню, то ли выселили, то ли просто убрали, только уж потом стал новый председатель» (Чернобай А.М.).

По мнению прессы, основной причиной невыполнения июльского и августовского хлебозаготовительных планов явились попытки руководителей противопоставить «личные интересы колхозников интересам государства», «оставить хлеб сперва себе», «пустить его на рынок спекуляции и перекупщику» (Молот. 1932. 17 сентября).

26 сентября было опубликовано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), в котором категорически исключались «все предложения о выдаче семенной ссуды» колхозам и совхозам, а на председателей хозяйств «возлагалась ответственность за выделение полностью семенных фондов к яровому севу в установленные СНК и ЦК сроки (не позднее 15 января 1933 г.)»[5].

Узел затягивался. К ноябрю «уже стало ясно, что зимой не выжить. Комсоды уже отбирали последнее. Чисто, как метелками, выметали» (Кононенко А.Н.).

Часто раскулачивание превращалось в откровенное примитивное мародерство. Властям все шло впрок: вместе с едой забирались нитки, одежда, подушки, одеяла, инвентарь и т.п. «Кто что хочет, то и делал – власти никакой не было. Любой... да те же наши колхозники... Даже вот на семена: бывает там, что помидоры, семечки, фасоль, горох – и семена ихние оставляют до весны, – то они забирали все, все забирали! Чтоб ничего не оставалось» (Гонтарь Г.К., Герасимов Г.В.).

«Как только шо сваришь – комсод приходит, люди с комсода, забирают все. И чугунчик даже заберут... У нас тут жил тогда Саенко. Она была заведующая яслями. Так у их все: и манна, и сахар – и все дома. А дети с голоду умирают... Они беруть, для себя забирають, себя спасали, а люди умирали» (Капуста Р.Н.).

«Приде актив и каже: „Отсель подушку взять, отсель подушку взять!". Уже под детьми подушка была – и ту надо было забрать!» (Комлацкая М.А.).

За найденные «сумочку пшеницы», «килограмм редиски» или «банку отварного буряка» людям неизбежно грозили 10 лет тюрьмы. Стала поощряться система доносительства, призывающая «добросовестно раскрывать укрывателей-саботажников». «Приходила женщина с красной повязкой и говорит, покажите, где ваши мама с папой закопали зерно» (Павлоградская А.А.).

«Бывало, кто едет из степу... Там были курени, в степу, и две дороги: одна в той край иде, а другая в той край, и туда, и туда. И он (очевидно, член комсода или отряда оцепления частей НКВД. – *Авт.*) стоит на той дороге с плеткой. Як у кого кочан или жменя пшеницы – избивал, до полусмерти избивал» (Лозовой В.П.).

«Их оставили здесь [не выслали], потому что они добросовестно, патриотически раскрывали людей...» (Баденков Л.К.)

Зато в Ростове на торжественном параде, посвященном 15-летию революции, один из рабочих нес плакат: «В 1931 году в меню столовой было одно блюдо, а в 1932 – восемь блюд!»[6].

В начале ноября в Краснодарский край из Москвы приехала комиссия во главе с Л.М. Кагановичем. Комиссия снизила проценты по плану хлебозаготовок и назначила уполномоченных от крайкома в 31 район края на месячный срок для руководства кампанией по «выполнению плана хлебозаготовок и сева»[7].

4 ноября решением бюро крайкома совместно с представителями ЦК ВКП(б) на «черную доску» были занесены три станицы: Медведовская (Тимашевский район), Темиргоевская (Курганинский район) и Ново-Рождественская (Тихорецкий район).

Через месяц – 6 декабря 1932 г. – практика «черных досок» будет узаконена. Региональный вариант занесения на «черную доску» не отличался от общего образца. Газета «Молот» 5 ноября 1932 г. расшифровала значение «чернодосочного» режима: «а) немедленное прекращение подвоза товаров и полное прекращение кооперативной и государственной торговли на месте и вывоз из кооперативных лавок всех наличных товаров; б) полное запрещение колхозной торговли как для колхозов, колхозников, так и для единоличников; в) прекращение всякого рода кредитования и досрочное взыскание кредитов и других финансовых обязательств; г) проверка и очистка органами РКИ колхозных, кооперативных и государственных аппаратов от всякого рода чуждых и враждебных элементов».

Жители этих станиц были предупреждены, что в случае «продолжения саботажа они будут выселены за пределы края в северные области»[8].

Единоличники этих же станиц попали под другую статью: было решено лишить их «усадебной земли и просить правительство выселить их за пределы края в северные области». Одновременно крайпрокуратуре

и крайсуду предписывалось в ускоренном порядке рассматривать все дела по расхищению колхозного и государственного имущества (там же).

Газетные заголовки ноября посвящены «расстрелам кулацких паразитов». В центре внимания – станицы Уманская и Незамаевская. 12 ноября в «Молоте» появляется информация о «разоблачении» председателя и секретаря партячейки колхоза «Коминтерн», которые обвинялись в укрытии 40 тонн хлеба.

27 ноября в «чернодосочные» попадают станицы Уманская и Полтавская. 27 декабря – «за продолжение саботажа» – еще семь станиц.

«Раз мы не выполнили государственный план, то с Ростова прислали полк милиции. И когда нас собрали здесь, собрали президиум совета, объявили, что „отныне советской власти в станице нет". И так было сказано, что „комендантом назначаюсь я, Крылов"» (Чернобай А.М.).

В станице было введено военное положение – «чернодосочный» режим. Словосочетание «черная доска» встречается в каждом интервью. Но вряд ли есть другое словосочетание, создающее такую понятийную путаницу.

«Станица была поставлена на черную доску, окружена, значит, воинскими частями» (Панасенко А.М.).

«Она прям в центре там была. А когда кто выявляет: там такое, и то, и другое, кто-то там ворует, или зарежет, или убьет, или искалечит – вот эта черная доска» (Шестакова П.З.).

Переселенец Баденков Л.К. вспоминает: «Мы сняли эти доски. Ставились эти доски теми лицами, что до нас были. А мы поснимали их. Что это такое? Посреди – прямо черные доски».

«Черна доска – так это на здании стансовета, наверху, когда они это объявили, так красный флаг залезли и сняли, и сказали, советской власти у вас больше нет, а заместо этого красного флага-то рогожку весили черную, да еще и смазали чем-то черным» (Баканова В.С.).

«Видели, что вывешивали не красный флаг, а рогожа была не то дегтем, не то чем… вымазана в черный цвет» (Гонтарь Г.К., Калоша Д.А.).

«При въезде в станицу стояла така черна доска, и на ней было написано „Въезда нет", то и означало „чернодосочна станица"» (Герасимов Г.В.).

«В крайкоме висел список чернодосочных станиц на такой черной доске» (Кононенко А.Н.).

«И вот эта рогожа была промаслена, что ли, и як пугало, она так и билася на ветру, стучала о палку, всех отпугивать, что птиц, что людей» (А.А. Павлоградская).

«Черная доска? Не знаю… Может, вредители какие…» (Головко А.С.)

На примере использования понятия «черная доска» очевидны гуттаперчевая природа коллективного, общинного сознания и механизм коллективной памяти, действующей по принципу палимпсеста…

Нас интересует, каким образом и до какой степени понимали происходящее с ними свидетели истории, более того – жители одной станицы.

Как видим, описания настолько образные и конкретные и в то же время настолько разные, что трудно вообразить, что все эти люди жили в одной станице в одно и то же время. Вероятно, за образом «черная доска» нет конкретного предмета, именно поэтому и возможно столько разнообразнейших толкований. Бесспорно одно: «черная доска» – это попытка выхода коллективного сознания за границы непонимания, опредмечивания безграничного горя, голода, смерти, массового мора. Кстати, и рядовые работники местных органов власти, бывшие руководители, как правило, отрицают всякую опредмеченность «чернодосочного» режима.

Хотя, если учесть, что стансовет был разогнан как «кулацкий» 13 января 1933 г., а новый совет был избран лишь весной, версия «черного флага» становится более или менее объяснимой. Кроме того, косвенные упоминания «въезда нет», «отпугивать что птиц, что людей» ассоциативно приводят к чумным или холерным аналогиям.

Не исключено, что где-нибудь в районе или в станице, под влиянием соревновательной символики первых пятилеток, действительно находился некий стенд (доска) с цифрами выполненного плана, которые вскоре могли смениться на невыполненные, фамилии передовиков – на фамилии «укрывателей», «воров», «врагов», «кулаков» и «подкулачников».

Так, в краевой газете «Молот» с начала 30-х годов во время посевных и хлебозаготовительных кампаний стало обычным изображение рамок с надписью «черная доска» и «красная доска» со списком отстающих и передовых станиц и районов. На такую «черную доску» «ставят», «заносят», «попадают». Очевидно смешение понятий.

Большинство опрошенных рассказывает об оцеплении и невозможности выезда из станицы осенью-зимой 1932–1933 гг. как результате «чернодосочного» режима. Не ясно, связан ли факт оцепления станицы с расположением 69 кавалерийского полка, стоявшего рядом с Уманской с конца 20-х годов до начала войны. Лишь некоторые убеждены, что оцепление проводилось силами войск Ленинградского военного округа. Их уверенность основывается также и на факте переименования станицы из Уманской в Ленинградскую – очевидно, в честь обосновавшихся там впоследствии красноармейцев (Лозовой В.П., Панасенко А.М., Герасимов Г.В.).

Женщины станицы Уманской помнят военных, помогавших местным властям в организации выселения и наведении «порядка» (Гондарь М.С., Баканова В.С. и другие).

12 января 1933 г. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) вынес решение о выселении из станицы Уманской 1 200 хозяйств единоличников и колхозников, «наиболее злостно саботирующих хлебозаготовки». Было решено распустить станичный совет и «лжеколхоз» им. Блюхера. Также намечалось провести вторичную чистку станичного парташпарата[9].

«Мне присылают с участка, допустим, 20 человек с одного участка, список там: Иванов, Петров и т.д. Только фамилии и отчества. А что он делал? Имел рабочую силу или не имел, батраков – тут ничего неизвестно.

Их присылают сюда. Вот, говорю, переезжать будете. Сколько вас по домам? Они: „Столько-то". Расписались... 77-я, кажется, статья была, и все», – так описывает процесс высылки бывший председатель комиссии по выселению Чернобай А.М.

Местное руководство, имевшее установку «сверху» о выселении крестьян, оказалось тоже в некоторой растерянности. Ведь с единоличниками, использующими в хозяйстве «наемную силу», расправились еще осенью, поэтому «план» выселения выполнялся «на глаз» и на собственное усмотрение... «На сельсовет давили сверху. Собирался этот пленум сельсовета, давали план: с вашего квартала надо 5 семей на выселку. И где ты их возьмешь? Какие это семьи? Но 5 семей ты должен послать на выселку» (Зеленев Т.А.).

«А они сидят, значит, актив этот, и мозгуют: кого же выселять? Некого... Кулаков нету, откуда они – кулаки? Смотрят: у Марии трое детей – нет, куда она с ними? Пусть остается. А смотришь, у Павлоградских: там тоже одна и мать с нею – так эту можно, ничего, эта не пропадет!» (Калоша Д.А.).

«Тогда же как: я на тебя злой был или ты на меня – ты мне подстроил сумочку зерна да в колодец закрыл. А тут утречком – актив собирается. Приходят: „Где зерно спрятал?"» (Товстуха П.И.).

«Ты что не так сказал или сделал... Да чего говорить, ты просто не нравишься мне, ну и все -- готово, записали и выслали тебя» (Герасимов Г.В.).

Итак, банки, мешочка, сумочки с зерном было достаточно для выселения или тюрьмы.

О выселении люди были предупреждены за сутки до отъезда, и 13 января товарняк подошел к станции Уманской. Станичники запомнили этот день как праздничный – «под новый год». Ведь праздники традиционно отмечались по старому стилю. Мороз был очень сильный, под 30 градусов. С раннего утра к вокзалу потянулись «гарбы» – подводы, в которых были женщины и дети. «Мужики к тому времени все в тюрьмах сидели» (Кононенко А.Н.).

«Мужчин усих забрали. Так шо местов ужо не було в тюрьмах [плачет]. И папу нашего забрали. И остальных же ... Также и школу приспособили под тюрьму, и церковь, и кинотеатр... Папу нашего в кинотеатр... „Горн" назывался. Мы еще ходили, просили передать ему одеяло и подушку... [плачет, не может говорить]. А потом среди женщин будто молва, что ли, какая прошла..., что можно навестить их там... Уж не помню что, но мама и мы бежали туда, к „Горну" этому. И солнце такое було... А все окны и двери – усе было забито досками. В общем, мы издали увидали, что на солнце что-то такое лежит красивое, пестрое, разноцветное, в палисадничке-то у здания... А мимо женщины ходют и под ноги смотрют [плачет]. Мама ... И мы-то туда... А то лежали эти одеяла... с подушками. Бабы-то каждая и искала свое... А там, когда развернули, все [говорит сквозь рыдания] крысами поедены, уж никого узнать нельзя» (Кононенко А.Н.).

«Всех взрослых мужчин в тюрьму садили. А высылались только дети, подростки... Ну, кое-где старики, – вспоминает А.А. Павлоградская. – Парней лет 18 еще не трогали, а свыше 20 – в тюрьмы, видимо, чтобы было спокойствие. Все те, кому лет 18, и конечно, 16, 17, 15 – те шли за подводами, песни пели: „Прощай ты, Уманска станица, прощай, родная сторона! Прощай, казачка молодая, прощай ты, Родина моя!"».

А мы везем да плачем. А они за подводами идут, дети маленькие сидят. Холодно!» (Павлоградская А.А.).

Minimorum багажа – все, что осталось после «участия в госпоставках».

«А узлы-то... Ой... Это ж разве... Да что говорить-то..! В них были детские, может, постельки – и все! Ни чемоданов не видела, ни ящиков не видела – все в узлах тряпьишко какое-то замотано, и все. Все в тряпках, понимаете?» (Павлоградская А.А.).

«Десять душ детей было там у одного, и их выслали. А они позамотанные, ну, плохо жили. А почему их кулаками посчитали? Кто его знает... И высылали детей: позаматывали в тряпки там, в одеяла...» (Дьяченко А.Ф.)

Мужчин, арестованных накануне «для спокойствия в станице», под конвоем пригоняли на станцию, где они присоединялись к своим семьям. Из-за огромного количества народа и неразберихи со списками грузились до глубокой ночи – по 35–40 семей в один вагон.

«Тут оцепили все, як раз к рождеству вот это, к новому году – всех выслали отсюда, оцеплена была станица, всех выслали полуголых. Я говорю, шо кулаков нет, там такие що были, что по шесть да по семь душ детей, их в кое-шо повертали, на подводу, в вагоны...» (Гонтарь Г.К.)

«Четыре дядьки у меня попало [были высланы], у одного было семеро детей, самому старшему 13 лет, у другого шестеро, у того пятеро... И все они в Казахстане с голоду померли – все. Никто не вернулся» (Лозовой В.П.).

В пути на вагон выдавали две булки хлеба «из шелухи просяной» и немного кислой капусты. Замерзший на морозе хлеб растекался в тепле, и его ели ложками. В дороге полуголодные люди умирали, особенно дети. На стоянках их, прибегая к помощи конвоиров, закапывали (нужен был хоть какой-нибудь острый предмет).

«Вывела я детей своих голых, раздетых. Это сено, что було, одеялом укрыла и поехала до станции... Мы рано приехали и сидели до вечера – в январь-то месяц... Мужей не було, мужики все в тюрьмах были, молодые и старые – все остались в тюрьме. Пока я погружалась с детьми, у меня не осталось ни гарбузов, ни помидор – ничего. Голодная вошла в вагон с детьми... Замкнули нас, стрелков поставили в вагонах – чтобы мы не разбеглись. Куды там нам бигать-то, господи!.. Выгнали нас на землю из вагонов, и мы сидимо на земле. Никто нас не бере, никто до нас не иде. Эшелон растякся на узлах на всех... И вот нас грузили на холодную землю. Детей, детей-то четверо, они в пальтишках и в ботиночках – на землю на мерзлую... Жители вышли дивиться на нас. Ну там лепешки, чи шо, подали: не то что

давали, они их хватали, наши люди. Ну, мене не досталось, я и не хватала – я с детьми. Туды же вернулись в сарай, переночевали мы там... У меня уже маленький, три годика был мальчик, умер, тут же в сарае умер. Я не дала, не призналась, и никто не сказал, что он у меня мертвый. Я его взяла до себе, пригольнула, дивилась на него. Положила его спереди, туды положила, в сено, мертвого. И поехали... Бродили люди, падали, падали, як мухи, с голоду... Яки мы кулаки булы! Я 1902 года рождения, в 23 году замуж шла, скильки ж мы тут пожили – детей тилько нажили, а в начале 33-его выслали. Яки ж мы кулаки?» (Гондарь М.С.)

По свидетельствам выселенных, многие пытались бежать обратно, но попадали в руки властей или погибали в дороге. Удачный побег был случайностью, тем более что вернуться непосредственно в родную станицу оказывалось весьма опасно.

В.А. Нищета, счастливо вернувшийся в станицу в 1934 г., считает, что выселение в Казахстан спасло его от голодной смерти в станице, где к февралю 1933 г. было съедено *все*.

«И собак ели, и котов, и крыс... Птиц-то всех этих мелких – воробьев или галок – поели еще осенью, их уже давно не было... А что скрывать – и людей ели» (Иванова О.И.).

Случаи людоедства и трупоедства не были редкостью.

«За нами жил Михайло Давыденко – бабу свою съел. Убил ее, сварил и съел... А ты попробуй поголодуй так... Ведь из ума выживали...» (Баканова В.С.)

«А Варвара-то с той, дальней слободки пошла по воду к колодцу. А у колодца-то скользко, воды-то налито – мерзлой – льдиво сплошное... Она подскользнулася и упала... А встати-то силов нет... Слабые уж больно были. Так она лежалая так и змерзла. Мужик ее так мерзлую и порезал себе на еду...» (Баканова В.С.)

«Сильный голод был... Весь народ пухший был... Даже вот я шел ночью на ремонты в мастерские – дедушка такой старенький... Зима холодная была как раз... Вот он тянет такую девчонку, она мерзлая, не живая, тянет за шею ее – кушать-то нечего» (Комлацкий И.В.).

«Пухлые, сидят трусятся, прямо готовы съесть тебя» (Гонтарь М.С.).

Такие свидетельства интересны наполнением не только факта истории, но также и коллективного сознания, памяти, влиянием бытового мифотворчества. «Холодец с детскими пальчиками» на базаре, человечьи черепа вместе с лошадиными... Интересна и кульминация сюжета: «Стало известно руководству, и виновных наказали». Лубок – хоть и жуткая, но картинка коллективного сознания – без перебоев работает в любых условиях. И чем они страшнее, тем живописнее оказывается компенсаторная функция воображения и сознания.

Очевидно, что на зиму–весну 1933 г. приходится пик смертности.

«Моя мама пошла на базар, там учительница спрашивает: нету ни у кого няни? Мама говорит: у мене дочка есть, но я не отдам. Помирали вместе

с голоду: мама пухлая, и я пухлая. Мама стала мне рассказывать, и я говорю: ой, давайте, повезите меня, я и вам украду чего-нибудь, кусочек принесу. Ну голодные, понимаете, голодные!» (Сергеева В.И.).

К ужесточению социальных факторов добавляется отсутствие подножного прокорма.

«Где травку якусь там сорвали, кто корки где-то там нашли и покушали их сырыми, не варили ничего», «возле мельницы с шилом или гвоздиком ходим, ковыряем», «земля была затоптана, достанешь где-то что-то – съешь» (Павлоградская А.А.).

По станице дважды в день скрипели по снегу колеса подводы, подбиравшей людей в домах и на улицах.

«Мама моя уже вся пухлая, встать с лавки не могла. Так и лежала несколько дней… Но жива еще. А у соседей тоже – одна малая осталась, остальные все дохлые. Я пошла к ней, и мы вдвоем стали забор разбирать – на гроб хотели… Пока мы частокол разбирали [плачет]… маму мою… живую и увезли… Не попрощалась я с ней, и даже не знаю, где лежит [плачет]» (Кононенко А.Н.).

Вымирали целыми семьями, улицами, слободками. Трупы свозились на окраину станицы.

«А шо я делал?.. Вот от школы начали мы копать. Все колхозы станичные подвозят мертвых… Не мертвых, а … дохлых. Мы по колено выкопаем яму и залаживаем их як селедку, як селедку, лишь бы земли хватило прикрыть. И дошли мы, это, до зубной поликлиники [имеется в виду современное здание, в 1933 г. там была прилегающая к базару территория], ну видишь, это метров 400. С больницы подвозят гарбами всех голых мертвецов. А гарбы-то не шлеваны: то рука отлется в колесо, то нога отлется в колесо. Но приносит одна, значит, маленького пацана знакомого – моя соседка бывшая: „Гришка, похорони у меня". Так я, шоб ребят ужо не обидеть, поддолбал в сторону и подсунул этот гробок… В гробах ведь нельзя, кто в гробах привозил – мы их разбивали, потому что места много занимали тоже… Гроба-то разбивали, а их ложили як селедку» (Гонтарь Г.К.).

«Особенно худо было детишкам, ведь они просто падали, что мухи падали» (Гондарь М.С.).

«Я лично на возику заставляла тех, кто был в силе, – заставляла вывозить малышей на возику [на тачке]. Так я 17 детей вывезла на кладбище, и в том числе четверо своих родственников – двоюродных братьев и сестер и дедушку по маме, вот, пухлых… Видела трех детей по фамилии… сейчас вспомню… и умерло трое детей, и их крысы поели, погрызанные эти деточки… Пришлось… бабушку – мужчины подъехали, ее забрали, а мне возком пришлось детей везти на кладбище…» (Павлоградская А.А.)

«Лежали рядами люди, опухшие от голода. Опухшие до того, что у них какая-то жидкость по лицу текла. Грязные, с болезненными язвами. Они лежали рядами: мужчины, женщины, больше всего – люди пожилого возраста или же наоборот – детвора. Приезжали ломовики, были там крючни-

ки, и вот, кто умирал за ночь, крючками их подволакивали к телеге, брали, грузили, накрывали брезентом и увозили. И так каждый день. Места скопления голодных людей были у нас на рынке Новом, на Сенном, на вокзалах, на пристанях... Очень хорошо сохранилась в памяти новогодняя ночь. Я попел в очередь за хлебом с вечера. Простоял всю ночь, потом мать подошла, и мы купили хлеб по 3 рубля 1 кг. Это были высокие булки, в булке было 2,5 кг. Вкусный хлеб. Мы отнесли его домой, сели и втроем тут же его и прикончили» (Левченко Л.А., в описываемое время жил в Краснодаре).

В посевную, когда женщинам приходилось работать по 10–12 часов в степи, дети оставались без присмотра, полуголодные, в запертых домах. По совету руководства, а также в надежде хоть как-то подкормить малышей матери отдавали их в колхозные ясли, где они быстро умирали от недоедания, болезней, плохого ухода. Одна из причин этого – воровство заведующей – уже приводилась выше.

По воспоминаниям женщины, которую забрали в степной колхоз буквально на улице (она пошла на базар купить еды ребенку), «собрали нас много женщин... В сельсовет ... Там нас расставили – колхозники вправо, неколхозники влево. Колхозникам сейчас же идти домой, а потом – в колхоз работать, а неколхозники, мол, поедем на степь. А я кажу: „А как же мне? У меня же дите. Третий годок мальчику, он же закрытый в доме. Он же ждет маму, чтоб принесла покушать ему." А мне говорят: „Ничего, с матерью буде". А мать, кажу, куды годна?..» Приехавший спустя несколько дней в степь новый бригадир, встретив ее, сказал: «А, Мотя, и ты тут? А ты знаешь, что у тебя и мама умерла, и сын умер?» (Голуб М.И.).

Выживали только «льготники» – «красные партизаны» (комсод оставлял им одну корову), работники региональных органов и аппарата, не считая милиции и НКВД, которым выдавался паек, а также те, кто смог наняться на любую работу, особенно в детсады и школы.

Колхоз, куда раньше шли в основном по принуждению, теперь воспринимается как спасение: «Шли, конечно, охотно, потому что в колхозе-то что-нибудь да достанешь.. В колхозе хоть шо-нибудь да давали...» (Головко А.С.)

Но колхозы и совхозы принимали уже не всех. «Я поступил в совхоз работать, и меня только приняли за то, шо я одетый. И меня приняли, а семь человек из совхоза выгнали, исключили, но пока они до станции дошли – все позамерзали. – А почему выгоняли? – Ну вот одеться не в чего, холодно на работу идти, а не в чего одеться – есть-то, кормить его нечем...» (Гонтарь Г.К.)

«Многие не пошли сразу работать, а раз не пошли – значит им ничего и не дали» (Капуста Р.Н.).

Из работающих больше всего ценились трактористы. К началу весенней посевной им «давали килограмм хлеба, литр цельного молока и варево с мяса, а прицепщикам давали 600 грамм хлеба, молоко-перегон и варили без мяса» (Герасимов Г.В.).

Бригадир «огромной бригады», работая с утра до позднего вечера, получала 400 граммов хлеба в день и питалась «якой-то бурдой», выдаваемой работающим в поле (Баканова В.С.).

«В колхозе сварят якую-нибудь полову... суп – вот его и ели. А хлеба и вообще-то не було. Хлебом наесться потом не могли аж до самой войны... Еще перебивались: ходили, кукурузы намерит... мужчина у нас тут был, у мельницы... намерит нам, мы и печем. Еще кислую капусту привезут на степь туды...» (Головко А.С.)

К весне 1933 г. лошадей, способных тянуть борону, практически не осталось, пахали на коровах. За вспашку от колхоза выдавался хлебный паек.

Любые попытки побега за пределы станицы карались тюремным заключением, на собственном приусадебном участке что-либо выращивать было запрещено. А.И. Иванова вспоминает, как она «крала по ночам тайком посаженный хлеб („колоски") из собственного огорода».

С начала февраля опустевшую станицу («полгода станица пустая стояла» – после выселения и голодной зимы в станице осталось 200 семей) начали готовить для въезда новых жителей. Географически станица Уманская разделена речкой Сосыкой на две неравные части: меньшую – северо-восточную и большую – юго-западную. После выселения обе части станицы опустели, тогда власти и решили собрать оставшихся станичников вместе в меньшей, северо-восточной части. «Уже через четыре дня мы все, кто уцелел, были свезены в северную часть» (Пальцева Н.И.). За каждым трудоспособным станичником была закреплена «территория» – двор или несколько пустовавших дворов, где они должны были кормить и чистить скот, белить дома, приводить хозяйство в порядок.

21 февраля на железнодорожную станцию Уманскую прибыл первый эшелон переселенцев – белорусских красноармейцев с семьями. Они начали заселять обширный юго-запад станицы.

С середины марта к ним присоединились и красноармейцы Ленинградского военного округа. Таким образом, население Уманской численно было восполнено.

Тогда же «на одном из красноармейских собраний, а нас туды никто не звал, они и решили переименовать станицу из Уманской в Ленинградскую» (Капуста Р.Н.).

Столкнулись совершенно разные представления и образы жизни. «Люди приехали с таких земель, шо они сроду не бачили, как копну кладуть. С городу» (Лозовой В.П.).

Но у тех, кто уже не чаял выжить, появилась хоть слабая, но надежда: переселенцы привезли с собой много продуктов, одежду, скот.

«Мы их спасли. Мы привозили свои продукты – картофель, другие продукты питания... Мы по всей станице ходили и во всех подозрительных местах находили ямы с прогнившим хлебом... Мы организовали общественное питание населения, чтобы поддерживать их. – Их мало было здесь? – Очень мало, очень» (Баденков Л.К.).

Коренные станичники получили возможность обменивать остатки своего или найденного в опустевших домах имущества на хлеб, овощи, молоко, крупы и пр. Тем более что переселенцы получали хлебный 400-граммовый паек.

Государство активно помогало новоселам освоиться на новом месте: они получали в личное пользование скот – коров и лошадей, специально для них закупленных в соответствии с «Постановлениями Наркомзема и краевого земельного управления»[10].

Вновь созданные красноармейские («кацапские») колхозы освобождались (в отличие от казацких) от обязательных поставок государству некоторых видов сырья (например, шерсти). Очевидно, что переселение было приурочено к началу весенней посевной, которую нереально было провести силами местных жителей.

По постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) краю была оказана помощь семенами в размере 15 300 пудов[11]. Но станичники по-прежнему были в труднейшем положении. «Лошадей у нас не было, ни техники, ни зерна, а люди-то наши еле ноги волочили» (Сахно Д.А.).

«В станице оставалось семь лошадей после того, как вси уехали, мы их смотрели, ухаживали, как умели. Но к весне они уже без поддержки стоять совсем не стояли, падали. Я помню, в тот день, когда первых из Белоруссии к нам привезли, мы лошадей к перекладине сарая привязали... Чтоб хоть как-то стояли» (Митрофанова А.Ф.).

Но за отказ использовать такую лошадь или за ее гибель «виновные» подлежали тюремному заключению. Приговоры «троек» раздавались «налево и направо». «Уполномоченный просто приезжал и объявлял : „Завтра будем сеять". И уж дальше как хочешь...» (Калоша Д.А.)

«Боронить и сеять приходилось вручную: женщины впрягались в бороны, а те, кто послабее – дети и подростки – носили в степь семена» (Митрофанова А.Ф.).

Предназначенное для посева зерно травили формалином – чтобы не воровали. Несмотря на это, для многих после промывания и долгого вываривания оно служило практически единственной пищей.

Адаптация переселенцев к новым условиям проходила нелегко. Но в первые, наиболее кризисные и тяжелые три года выезд из села был сильно ограничен. Решением Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) был «запрещен самовольный выезд из районов без специального разрешения крайкома» – подобные действия рассматривались как дезертирство[12].

Непривычным было все: климат, долгие выезды в степь на работу, отсутствие деревянного топлива (на Кубани топили кизяком, сухими травами, ветками).

«Они рубали деревья, и станица где-то уже к 36-му году голой стала, без деревьев» (Павлоградская А.А.).

Отношения между «югом» и «севером» строились на недоверии и враждебности и порой доходили до открытой ненависти переселенцев к «кулацким элементам», «саботажникам», «кулацким остаткам», «занос-

чивым казакам»; станичников – к «непрошеным гостям», «оккупантам», «кацапам».

«Во двор детей мы первое время боялись пускать. Сидели дома: местные – казаки мастерили капканы и ставили их у наших дверей, в траве, вокруг дома, у колодца... Саботаж устроили...» (Есина М.А.)

«Плохо жить было, очень плохо. Как услышат, что мы по-русски говорим: „А-а! Кацапки!" И нас матом гонят с очереди. Ну, а потом немножко лучше, лучше, разогнали их, увезли их всех, куда – не знаю... Богачей, богачей разогнали всех, увезли куда-то поездом. Всех позабрали, отправили куда нужно, потом хорошо стало жить... Продавали на базаре холодец, а там – пальцы. – А кто это делал? – Казаки, казаки, на кацапов нападали. – Вы знали, что станица была записана на черную доску? – Ой, этого не знаю, не знаю. – Вы не знали, почему выселяли отсюда людей, за что? – Ну, они же, видишь, хулиганили, а больше не скажу – до меня не доходило это» (Есина М.А.).

«У нас их называли кацапы. Они, я не знаю уж, как, что, почему, сами по себе грязные. В комнатах у них тоже: и свинья в комнате, может, и теленок в комнате, все это, в общем, там... тут живут, тут и поросята. А дом... Будут жить до тех пор, покуда он до такой степени не развалится, что уже в нем жить нельзя» (Калоша Д.А.).

Отношения «кулак – бедняк», «казак – кацап», сюжеты с трупоедством и людоедством, интерпретации понятий «саботаж» и «черная доска» дают уникальный материал для культурно-антропологических и этнографических исследований, в частности, для изучения образа и темы врага, категории «другой» и пр.

Итак, мы попробовали проследить логику событий голода 1932–1933 гг. на Кубани на примере одной из ее станиц. Заметим, что переименованию подвергся ряд станиц: Полтавская стала Красноармейской, Уманская – Ленинградской. Авторы не располагают сведениями о ее обратном переименовании в Уманскую. Летом–осенью 1989 г. не без влияния, хотя и косвенного, нашей экспедиции станица снова переживала острый момент разделения на «юг» и «север».

По мнению одного из наших корреспондентов – А.М. Чернобая, бывшего председателя комиссии по выселению, «уже с 1925 года кулаки со своими кулацкими комитетами стали ховать хлеб в землю и готовить восстание. Вот только в 1932 году они и осуществили свой заговор, организовали саботаж».

В 1932 г., в отсутствие реальных помещиков и кулаков, по принципу замещения тема врага находит новый объект с совпадающими функциями – снова «ховают хлеб в землю».

Обескураживает искренность непонимания в рассказах «комсодовцев» и других «разоблачителей кулачества»: «Зачем, почему осенью 1932 г. люди прятали хлеб?».

Полны недоумения сообщения респондентов «Молота», описывающих голодных, опухших «кулацких» детей, родители которых «гноили» хлеб в ямах. «Остапенко Федор до того морил голодом своих детей, что они

опухли и покрылись водянкой. Этих детей Остапенко демонстрировал в станице [Медведовской], открыто призывая к утайке хлеба: „Бачьте, люди добрые, до чего доводит советская власть. Так и со всеми будет, кто сдаст хлеб". Вот у этого зверя, который собственных детей морил голодом, нашли в яме 87 пудов хлеба»[13].

Один из респондентов, будучи шофером, возил во время голода уполномоченного: «Ну, много мы тогда наколесили, всюду на улицах мертвецы... Очень много, огромное количество... Где-то мы были... „Видишь, Василий, – он говорит, – кулак хлеб запрятал: сам подыхает, а хлеб не открывает"» (Лозовой В.П.).

«И вот вы знаете, кулацкая семья – дети худые, мы были худые, а они еще худее... А находили в ямах по нескольку пудов, не пудов, а сотен пудов хлеба. А он, значит, детей своих голодом. А жены ихние! Ну, не скажешь, что это женщина, не скажешь. Такое худое, страшное! Как же они, бедные, голодали, ужас господний! Вот мы семечки щелкаем. Покушаешь – уже не так кушать хочется. А вот эти кулацкие дети, они смотрят: может, где шкурка, где семечко упало. Вот как голодали» (Штемпелевская А.М.).

«Я приехал туда. Там два мальчика. Такие у них мордочки пухлые, и сам пухлый, и жена... Я говорю: „Что же ты мучаешь себя, а? – Боялся"» (Чернобай А.М.).

Из статьи Таугера, помещенной в этом сборнике, по всем свидетельствам оказывается, что голодали в основном «кулаки» да «подкулачники», к тому же, судя по официальной прессе, чуть ли не по собственной инициативе...

Все эти свидетельства можно прочитать как со знаком плюс, так и со знаком минус. Хуже другое – наша готовность и установка к такому прочтению. В поиске однозначности мы рискуем потерять специфику истории. Забывая, что слагаемыми истории являются и уникальное, и типическое, мы измеряем ее своей нормативностью, своей оптикой, меняя плюс на минус, из типичного делая уникальное, и наоборот. Игнорируем ее специфику, сочетающую миры повседневного, бытийного и событийного, балансирующую между фактом бытия и сознания.

В этой картине мира – в прошлом, пережитом индивидуально и коллективно, – нельзя все подвести к общему знаменателю. Людей объединяет время, эпоха, но не отношение к ней, не степень участия... В Истории много историй.

Даже на примерах интерпретации понятий «черная доска» или «саботаж» очевиден разрыв в фактах истории и сознания. Действительно, многие не понимали и так до конца и не поняли, «чей же это был саботаж. Да неужто наш?». Но на непонимание проецируется действительно труднопонимаемое... Это не секрет, бывали и «подставы», подложенные «сумочки», «мешки» и прочее; было и сопротивление по принципу «сами умрем и тебе [советской власти] не достанется»; некоторые же пережидали: «вот-вот закончится, и тогда отъедимся...».

Владея уникальным материалом, который ничуть не претендует на самодостаточность в историческом исследовании и, как было продемонстрировано выше, используется наравне с традиционными – письменными историческими источниками (архивными документами, газетными публикациями и др.), автор данной статьи не ставит перед собой вопрос: был ли голод 1932–1933 гг. искусственно инспирированным или являлся следствием неурожая. Основная задача этой публикации – вывести проблему голода и расказачивания за рамки ортодоксальных в традиционной историографии представлений о голоде 1932–1933 гг., поставить новые вопросы и проблемы как для фактографической истории, так и для источниковедения и методов исторического исследования.

Статистическая суммарность в статье Таугера или добротность исторического обобщения статьи Ивницкого логично дополняются эмоциональностью, условностью, гибкостью и, если угодно, зыбкостью источников устного происхождения, на которых базируется данная статья. Условность и зыбкость любого исторического источника, любого текста, с которым работает историк, – будь то слово, вещь, цифра – все приводит к «изумрудным» скрижалям герменевтики и источниковедения – alma mater гуманитарного знания – наук о тексте, об историческом источнике.

Автор решил выстроить этот текст скорее не в канонах статьи, а, влекомый законами синекдохи, в жанре, близком публикации, стараясь максимально уходить в фактуру текстов интервью, одновременно минимально проявляя в авторском комментарии собственные гражданские и профессиональные взгляды и позиции. Итак, синекдоха: меньшими средствами – больший эффект. В данном случае, при публикации фрагментов исторических источников устного происхождения, которые «говорят за себя», комментарий действительно в большинстве случаев излишен.

Тем не менее название ориентирует читателя на комплекс проблем, связанных с коллективными сознанием и памятью, психологией и реальностью пережитого. «Черные доски» – метонимия. За этим словосочетанием стоят как драматизм конкретной фактографии, так и феномен народного, массового сознания, непознаваемости. «Tabula Rasa».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Пелопонесские войны» Фукидида состоят из устных историй его современников. Будучи сам участником войны, историк не раз отмечал необходимость исторической критики этих источников, поскольку «очевидцы отдельных фактов передавали об одном и том же неодинаково, но так, как каждый мог передать, руководствуясь симпатией к той или другой из воюющих сторон» (См.: *Фукидид.* История. Л., 1984. Т. 1. С. 22).

Постоянно ссылается на устные источники и «отец истории» Геродот: «как передают милетяне», «об этом сказал мне один человек», «такой рассказ я сам слышал в Дельфах», «к этому добавляют еще вот что...» и т.п. Его история, как он сам указывает, есть «изложение сведений, полученных путем расспросов». Репрезентативность устного источника не вызывает у авторов сомнений. "Изустно" передаваемые сведения вносятся в анналы истории, представляя определенную ценность. Презумпция устности ни в коей мере не отвергает приемов ее исторической критики.

«Слышавшим и видевшим» еще долго доверяли больше, чем «потемневшей от чернил овечьей шкурке с привешенным к ней кусочком свинца».

[2] *Лотман Ю.М.* Беседа А.А. Иванова и Н.Г. Чернышевского // Вопр. лит. 1966. № 1. С. 135.

[3] Письма Сталину о весенней посевной кампании 1932 г. // Советская Кубань. 1989. 4 апреля.

[4] СЗ СССР. 1932. Ст. 360.

[5] Молот. 1932. 26 сентября.

[6] Молот. 1932. 4 ноября.

[7] Молот. 1932. 4 ноября.

[8] Молот. 1932. 5 ноября.

[9] Молот. 1933. 13 января.

[10] Государственный архив Ростовской области. Ф. р-1390. Оп. 8. Д. 114.

[11] Молот. 1933. 25 февраля.

[12] Молот. 1933. 5 февраля.

[13] Молот. 1933. 2 января.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Голод 1933 года / Публ. Гончаренко О.И., Чингенкова А.П. // Сов. архивы. – 1990. – № 6. – С. 45–46.

Голод 1932–1933 гг. на Украине: Свидетельствуют архивные документы // Под знаменем ленинизма. – Киев, 1990. – № 8. С. 64–86.

Голод на Украине: (1931–1933 гг.) / Публ. Шаталина Е.П., Марочко В.И. // Укр. іст. журн. – 1989. – № 7. – С. 99–111; № 8. – С. 105–106; № 9. – С. 110–121; № 11. – С. 78–90; 1990. – № 1. – С. 104–106.

Коновко А. Мор // Русский архив. – 1992. – Вып. 2. – С. 209–248.

Орлова А.А. Что же было: организованный голод или засуха? // Вопр. истории. – 1986. – № 12. С. 176–177. Воспоминания очевидца о голоде в Поволжье в 1933–1936 гг.

33-й: голод: Нар. книга-меморіал / Підгот.: Коваленко Л.Б., Маняк В.А. Київ, 1991. – 384 с.

Черный перелом / Сост. Астанков Ю.В. – Самара., 1992. – 280 с. Сборник документов о голоде 1931–1933 гг.

Шолохов и Сталин: Переписка начала 30-х годов / Вступ. ст. Мурина Ю.Г. // Вопр. истории. – 1994. – № 3. С. 3–24.

«Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти» / Публ. Мурина Ю. // Родина. – 1992. – № 11/12. – С. 51–57. Публикация письма М.А. Шолохова Сталину о хлебозаготовках 1932 и голоде 1933 гг.

* * *

Гроссман В. Все течет // Октябрь. – М., 1989. – № 6. – С. 30–100. См. также публикацию повести в кн.: *Гроссман В.С.* Все течет: Поздняя проза. – 1994.

* * *

Сорокин П.А. Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. - Пг., 1922. – 286 с.

Абылхожин Ж.Б. Казахстанская трагедия // Вопр. истории. – 1989. – № 7. – С. 55–71. Голод 1931–1933 гг.

Данилов В.П. Дискуссия в западной прессе 1932–1933 гг. о «демографической катастрофе» 30–40 гг. в СССР // Вопр. истории. – 1988. №. 3. С. 116–181.

Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. – № 2. – С. 3–19.

Ивницкий Н.А. Голод 1932–1933 гг.: Кто виноват? // Лекции по отечественной истории / РГГУ. Ист. колледж. – М., 1992. – С. 18–46; *Он же.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.). М., 1994.

Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов в деревнях Поволжья // Вопр. истории. – 1991. – № 6. С. 176–182.

Конквест Р. Жатва скорби // Вопр. истории. – 1990. – № 1. – С. 137–160.

Конквест Р. Жатва скорби // Новый мир. – 1989. – № 10. – С. 179–200.

Кульчицкий С.В. Демографические последствия голода 1933 г. на Украине // Филос. и социол. мысль. – Киев, 1989. – № 6. – С. 35–41.

Кульчицький С.В. Демографічні наслідки голоду 1933 р. на Україні. – Київ, 1989. – 13 с.

Кульчицький С.В., Шаталіна Э.П. Джерела про колективізацію і голод на Україні // Арх. Украины. 1990. – № 6. – С. 38–49.

Максудов С. Демографічні втрати населення України в 1930–1938 рр. // Укр. іст. журн. 1991. – № 1. С. 121–127.

Михайлов В.Ф. Хроника Великого Джеута. Алма-Ата, 1990. – 205 с. Голод в Казахстане в 1930 г.

Мухин Ю. А был ли голод в СССР? // Завтра. – 1994. – № 49. – С. 3.

Осколков Е.Н. Голод 1932–1933: хлебозаготовки и голод 1932–1933 гг. в Северокавказском крае. – Ростов н/Д, 1991. – 91 с.

Осокина Е.А. Жертвы голода 1933 г.: сколько их?: (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. – 1991. – № 5.

Рудницький О.П. Демографічні наслідки голоду 1932–1933 рр. в Української РСР // Історія нар. госп-ва та екон. думки УРСР. – Київ, 1990. – Вип. 24. – С. 22–26.

Ткаченко В.В. 1933-й: хроника голодного геноцида // Филос. и социол. мысль. Киев, 1991. – № 1. – С. 101–111.

Хандрос Б. Смертные листы // Юность. – 1990. – № 12. – С. 45–55. Голод на Украине в 1931–1933 гг.

Хасанаев М.Н. К вопросу о судебных преследованиях трудового крестьянства в годы голода 1931–1933 гг. // Коллективизация сельского хозяйства в республиках Средней Азии и Казахстане. – Алма-Ата, 1990. – С. 192–197.

Хомяков М. Голод рукотворный: К 60-летию народной трагедии // Независимая газета. – 1993. – 29 апреля. – С. 5.

Der ukrainische Hunger-Holocaust: Stalins verschwiegener Volkermord, 1932–33 an 7 Millionen ukr. Sonnenbuhl, 1988. – 309 S., Faks. – Bibliogr.: S. 309.

Dolot M. Execution by Hunger: the hidden holocaust, N. Y., 1985. – XVI, 231 p. Воспоминания о голоде на Украине в 1931–1933 гг.

Conquest R. Harvest of sorrow. – N. Y., 1966. – 412 p.

Dolot M. Les affamés: L'Holocauste masqué, Ukraine 1929–1933. – P., 1986. – 333 с. Коллективизация, продовольственный вопрос и голод на Украине в 1929–1933 гг.

Kuzio J. The ukrainian famine: still a blank spot // Sov. analyst. – L., 1987. – Vol. 16. – № 23. – P. 7–8. Коллективизация и голод на Украине в 1932–1933 гг.

Maqe J.E. The american press and the ukrainian famine // Genocide watch. – New-Haven; L., 1992. – P. 117–132. Голод на Украине 1932–1933 гг. в освещении американских корреспондентов, аккредитованных в Москве.

Morison D.J. The soviet pisantry's expenditure in Socialisted trade, 1928–1934 // Sov. studie's. Glasgow, 1989. – Vol. 41. – № 2. – P. 175–195.

ПРИМЕРНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Результатом чего явился голод 1932–1933 гг.:
   а) неурожая 1932 г.;
   б) коллективизации и раскулачивания;
   в) политики хлебозаготовок;
   г) преднамеренного умысла советского руководства («геноцид» крестьянства)?
2. В чем отличие голода 1932–1933 гг. от голода 1921–1922 гг.?
3. Каковы последствия (социально-экономические, демографические) голода 1932–1933 гг.?

СОДЕРЖАНИЕ

Итоговый отчет
Международной комиссии
по расследованию голода 1932–1933 годов
на Украине (Торонто, 1990 г.) 6

Таугер М.Б.
Урожай 1932 года и голод 1933 года 13

Ивницкий Н.А.
Голод 1932–1933 годов: кто виноват?.....43

Хубова Д.Н.
Черные доски: TABULA RASA.
Голод 1932–1933 годов в устных свидетельствах 67

Библиографический список 89

Примерные вопросы 92